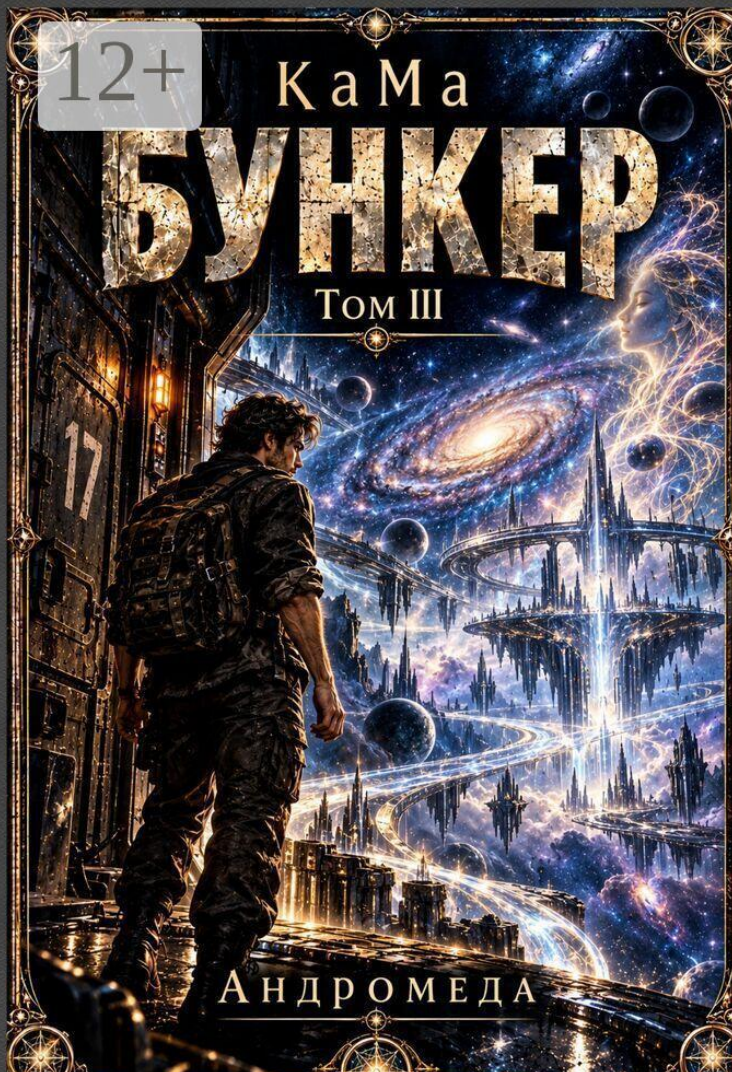
12+

КаМа

БУНКЕР

Том III



Андромеда

КаМа КаМа
Бункер. Том III

https://litres.ru/74834769
ISBN 9785007162449

Аннотация

«Бункер. Том III» — главы 49–72 большого романа, ранее опубликованного в едином издании. Пространство истории становится шире, а граница между памятью, сознанием и реальностью — всё тоньше. Ган приближается к пониманию связей, которые прежде казались случайными, и начинает видеть скрытую архитектуру происходящего. Каждый новый шаг раскрывает не только устройство мира, но и самого человека внутри него.

Содержание

БУНКЕР 7
Часть I. БУНКЕР 7
Часть II. ДРЕВО 10
Часть III. АНДРОМЕДА 12
Часть IV. ТОЧКА ПЕРЕХОДА 15
Часть V. НОВАЯ ФОРМАЦИЯ 18
БУНКЕР 20
Часть III. АНДРОМЕДА 21
Часть III. АНДРОМЕДА 64
«ФОРМА ДЕРЖИТ СЛИШКОМ ХОРОШО» 124
Часть III. АНДРОМЕДА 125
ФОРМА ДЕРЖИТ СЛИШКОМ ХОРОШО 131
ФОРМА ДЕРЖИТ СЛИШКОМ ХОРОШО 133
ФОРМА ДЕРЖИТ СЛИШКОМ ХОРОШО 157
ФОРМА ДЕРЖИТ СЛИШКОМ ХОРОШО 173
Часть III. АНДРОМЕДА 184
Конец ознакомительного фрагмента. 214

Бункер. Том III

КаМа

© КаМа, 2026

ISBN 978-5-0071-6244-9 (т. 3)
ISBN 978-5-0071-6245-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КаМа

БУНКЕР

Меня Нет...

Картины КаМа

БУНКЕР

Часть I. БУНКЕР

Самое маленькое пространство снаружи

— Дверь — Ган оказывается в Бункере и ещё не знает, убежище это или тюрьма.

— Четыре стены — он изучает пространство и пытается восстановить последовательность событий.

— Запас воды — первые бытовые правила выживания возвращают сознание к телу и реальности.

— Чужие записи — Ган обнаруживает следы того, кто будто бы жил здесь до него.

— Шум за стеной — появляется звук, происхождение которого невозможно определить.

— Сломанные часы — время внутри Бункера начинает вести себя странно.

— Первый знак — случайное совпадение повторяется слишком точно, чтобы Ган его проигнорировал.

— Сон о дереве — ему впервые снится огромное Древо с бесчисленными ветвями.

— Человек, которого нет — Ган начинает разговаривать с невидимым собеседником и сам сомневается в своём рассудке.

— Ложная картина — он понимает, насколько легко сознание принимает предложенную кем-то версию реальности.

— Слово и действие — первое испытание ответственности: обещание самому себе приходится выполнить.

— Комната, которой вчера не было — пространство Бункера впервые физически нарушает собственные границы.

— Архив — книги, записи и фрагменты чужих культур оказываются собраны в одном месте.

— Язык повторений — Ган замечает, что разные тексты говорят об одном и том же разными словами.

— Пустота между словами — важным оказывается уже не текст, а связи между текстами.

— Нулевой поворот — он впервые переживает состояние, в котором старое движение сознания прекращается.

— Зеркало — Бункер начинает отвечать на внутреннее состояние самого Гана.

— Страх открыть дверь — становится ясно: выйти можно, но Ган сам ещё не готов.

— Цена правды — ему приходится выбирать между удобной версией событий и тем, что он действительно увидел.

— Огонь — появляется древний образ Прометея. Пока лишь как странная запись на стене.

— Первый Учитель — Ган встречает существо, которое ничего ему не объясняет, а только меняет способ его воспри-

ятия.

— Стена становится небом — впервые исчезает граница между внутренним пространством и Космосом.

— Бункер внутри — Ган понимает, что главные стены находятся вовсе не вокруг тела.

— Выход — дверь открывается, но за ней оказывается совсем не Земля, которую он ожидал увидеть.

Часть II. ДРЕВО

Вселенная начинает вспоминать себя

— Первая ветвь — Ган оказывается внутри пространства, похожего на живую карту развития Вселенной.

— Племена — он встречает цивилизацию, сохранившую то, что другие давно утратили.

— Местные Духи — пространство оказывается населено сознаниями самой местности.

— Высшие Силы — Ган обнаруживает уровни существования, которые раньше считал мифами.

— Тени — он понимает: искажение не является отдельным злом, это остановившееся движение.

— Искры — индивидуальные сознания входят в игру и создают собственные траектории.

— Стихии — Огонь, Вода, Земля, Воздух и Пространство раскрываются как способы организации сознания.

— Эфирные существа — Ган учится видеть формы, существующие между плотными мирами.

— Микромир — оказывается, что малое повторяет устройство огромного.

— Макромир — та же структура разворачивается уже на уровне звёздных систем.

— Змея Лилы — Ган впервые видит цивилизацию, поднявшуюся высоко и всё же упавшую.

— Блаженство — он понимает, что даже прекрасное состояние может стать ловушкой.

— Абсолют — ещё одна вершина оказывается не концом пути.

— Сириане — Ган узнаёт собственную древнюю линию и впервые сталкивается с культурой Света.

— Ошибка Света — стремление к Абсолюту когда-то заставило эту культуру потерять часть многообразия.

— Земные Веды — фрагменты древних земных путей оказываются связанными с той же ветвью.

— Род — память перестаёт быть только личной.

— Падшие ветви — Ган понимает ценность даже тех путей, которые закончились тупиком.

— Ничто не было напрасным — опыт каждой цивилизации становится частью будущей системы.

— Знакообразование — Ган учится читать не отдельные знаки, а отношения между ними.

— МанДаЛа связей — множество разрозненных смыслов впервые складывается в единый рисунок.

— Собиратель — становится ясна настоящая функция Гана: не выбрать лучшую ветвь, а собрать Древо.

— Точка остановки — он находит место, где развитие Вселенной когда-то прервалось.

— Андромеда — следующая ветвь оказывается миром тех, кто почти перестал умирать.

Часть III. АНДРОМЕДА

Мир бессмертных, который тоже оказался незавершённым

— Зона Андромеды — Ган входит в цивилизацию устойчивых форм.

— Бессмертные — он впервые видит существ, для которых смерть стала почти неизвестной.

— Совершенная форма — Андромеда кажется вершиной развития.

— Цена бессмертия — постепенно обнаруживается то, что эта устойчивость отняла.

— Страх изменения — бессмертные боятся не смерти, а потери собственной формы.

— Иерархия поля — их мир существует благодаря невероятно устойчивым структурам.

— Гость смертных — Ган становится для них существом почти невозможной природы.

— Умереть и остаться собой — он показывает то, чему научила его смертная Вселенная.

— Первый разлом — совершенная структура Андромеды впервые допускает изменение.

— Учитель бессмертия — Ган учится удерживать форму, не разрушаясь от перехода.

— Ученик смертности — его Учитель неожиданно сам

становится учеником Гана.

— Два вида устойчивости — рождается формула: устойчивость через структуру и устойчивость через движение.

— Млеко — Ган видит собственную Галактику как мир циклов рождения и смерти.

— Переменный ток — смертность раскрывается как механизм обновления формы.

— Постоянный ток — Андромеда показывает силу непрерывного удержания.

— Фазовый сдвиг — начинается попытка синхронизировать две несовместимые системы.

— Волна — одно состояние начинает существовать сразу в нескольких фазах.

— Канон Вселенной — Ган понимает: повторение со смещением создаёт новое качество.

— Форма, которая течёт — Андромеда учится изменяться.

— Поток, который помнит форму — Млеко учится сохранять себя.

— Третья среда — между двумя системами рождается то, чего раньше не существовало.

— Первый прототип — Ган должен собрать эту конструкцию внутри собственного сознания.

— Я способен изменяться — он принимает смертность без потери себя.

— Я способен сохранять себя — он принимает устойчивость без сопротивления изменению.

Часть IV. ТОЧКА ПЕРЕХОДА

Чтобы соединить Вселенные, сначала приходится соединить самого себя

— Возвращение в Центр — Ган снова оказывается перед той самой внутренней Пустотой.

— Нулевой Спин — движение старой системы полностью прекращается.

— Отец — Ган встречается со своим образом действия, силы и ответственности.

— Ложный Отец — обещание без действия, сила без ответственности, власть без опоры.

— Ответственный Отец — слово впервые окончательно соединяется с поступком.

— Мать — открывается принимающее и сохраняющее начало.

— Ложная Мать — любовь как владение, жертва и удержание.

— Зрелая Мать — любовь становится пространством, которое помогает жизни вырасти и уйти дальше.

— Инь — способность принимать, хранить и преобразовывать.

— Ян — способность давать импульс, направление и действие.

— Общее Дао — обе силы перестают существовать как

противники.

— Сердце Разума — чувство и разум впервые работают как один орган восприятия.

— Раскрытое Сердце — Ган полностью принимает собственную природу.

— Смерть старого Гана — прежняя личность больше не может удерживать новый объём.

— Путь РА — Свет Души начинает освещать дальнейшее движение.

— Все Учителя — прежние встречи раскрываются как части одной системы обучения.

— Все культуры — Ган видит, что каждая цивилизация несла один необходимый элемент.

— Все ошибки — даже тупики занимают своё точное место в МанДале.

— Карма узора — прошлое оказывается не наказанием, а инерцией уже созданной формы.

— Свобода выбора — увиденный узор впервые можно сознательно изменить.

— МанДаЛа Завершения — все связи становятся видимы одновременно.

— Прометей — способность зажечь Свет передаётся каждой точке системы.

— Огонь во всех точках — МанДаЛа перестаёт иметь единственный центр.

— Точка Перехода — две Вселенные входят друг в дру-

ra.

Часть V. НОВАЯ ФОРМАЦИЯ

Самое большое пространство оказалось внутри Бункера

— Вспышка — Вселенная не погибает: она впервые загорается целиком.

— Яйцо Света — свечение распределяется по всей структуре равномерно.

— Новая МанДаЛа — прежние ветви сохраняются, но теперь принадлежат одной системе.

— Память Вселенной — ни один добытый опыт больше не теряется.

— Следующий виток — круг превращается в спираль.

— Земля — внимание возвращается к маленькой планете, с которой всё начиналось.

— Экспериментальная реальность — Ган понимает необычность земного пути.

— Множество народов — различие перестаёт восприниматься как препятствие единству.

— Единая цивилизация — единство оказывается согласованием, а не одинаковостью.

— Язык Сынов — разные традиции впервые начинают понимать друг друга без уничтожения различий.

— Знания Родов — сохранённое прошлое становится ресурсом будущего.

— Человек Земли — новая цивилизация начинается не

с технологии, а с зрелого человека.

— Ответственность — галактический уровень проверяется самыми обычными поступками.

— Дом — способность поддерживать порядок в малом оказывается условием порядка в большом.

— Ребёнок — будущее определяется тем, что цивилизация передаёт следующим поколениям.

— Женщина и Мужчина — Инь и Ян становятся сотрудничающими силами общего Дао.

— Технология Света — техника перестаёт опережать сознание тех, кто ею пользуется.

— Совет Миров — Земля впервые входит в отношения с другими цивилизациями не как ученик и не как завоеватель.

— Галактический человек — граница между земной и космической идентичностью исчезает.

— Ган возвращается — после всех миров он снова оказывается у первой двери.

— Четыре стены — Бункер выглядит совершенно таким же, как в начале романа.

— Одна комната — читатель начинает сомневаться, происходило ли всё путешествие физически.

— Открытая дверь — снаружи обычный мир, но Ган уже видит в нём всю МанДаЛу.

— Бункер — последняя истина: **самое маленькое пространство снаружи оказалось самой большой Вселенной внутри.**

БУНКЕР

эпиграф ко всему роману

Пролог. Точка Ноль

Когда всё закончилось, никто этого не заметил.

Звёзды продолжали гореть, вода двигалась к берегу, где-то рождались дети, где-то старики закрывали глаза, уверенные, что Вселенная останется после них ровно такой же, какой была до них.

Только в одной точке движение остановилось.

На мгновение — если измерять временем.

Навсегда — если измерять состоянием.

Именно там возникла возможность начать иначе.

Позже это назовут Точкой Перехода.

А пока существовала лишь дверь.

И человек, который ещё не знал, что однажды ему придётся её открыть.

Часть III. АНДРОМЕДА
Глава 1. Зона Андромеды

На второй переход Эл пришёл босиком.
Эта деталь почему-то успокоила Гана больше всех показаний приборов.
Вчера светлая одежда, серебристые волосы, неподвижная долина и тонкие башни за спиной делали человека по ту сторону окна почти частью пейзажа. Сегодня на гладком камне были совершенно обычные ступни, одна чуть запачкана серой пылью. Эл держал в руке тёмный сосуд и пил что-то на ходу.
Значит, утро.
Значит, у него бывают жажда, дорога и грязь.
Значит, Андромеда хотя бы в некоторых отношениях не собиралась сразу превращаться в метафизику.
— Пульс? — спросила Лара.
Ган протянул руку.
— Нормальный.
— Я тебя спрашиваю не потому, что думаю, будто ты сейчас умрёшь.
— Очень поддерживает.
— Я спрашиваю, чтобы потом знать, когда именно ты начал делать глупости.
Андрей не поднял головы от экрана.
— Записываю: до перехода глупости стабильны.

Хэр засмеялся, не поняв слов.
Тэй засмеялся вслед за ним, потому что ему объяснение никогда не требовалось.
Сава стояла у стены с выражением человека, который уже заранее пожалел о решении отпустить землян второй раз.
Белая дверь в Гаан оставалась открыта и стабильна.
Малый контур Андромеды рос отдельно.
Ладонь.
Окно.
Человеческий рост.
Эл смотрел.
Когда край перехода перестал колебаться, он поставил сосуд на землю и сделал знакомый жест ладонью к груди.
— Эл.
— Ган.
— Лара.
Сегодня их имена прозвучали уже почти без акцента.
Эл повторил:
— Ган. Ла-ра.
Потом указал на себя и сказал ещё одно слово:
— Андэй.
Ган посмотрел на Андрея.
Тот наконец поднял голову.
— Что?
Эл повторил.
Показал вокруг себя.
На камень.
Долину.
Башни.

Небо.
— Андэй.
Не имя.
Место.
Или область.
Ган указал за его спину.
— Андромеда?
Эл прислушался.
— Ан-дро-ме-да.
Слово понравилось ему.
Он повторил ещё раз, потом коснулся земли:
— Андэй.
Значит, Андромеда — их земное название галактики.
Андэй — то, где находится Эл.
Возможно, планета.
Возможно, территория.
Пока хватит.

Сегодня через переход первой прошла не Лара.
Сначала они отправили маленькую платформу с датчиками.
Вчера этого не делали только потому, что до площадки тянулась обычная палка.
Сегодня собирались уйти дальше.
Платформа прошла.
Воздух.
Температура.
Радиация.

Микробиология.
Поле.
Всё в допустимом диапазоне.
Только магнитная картина была странной.
Почти слишком ровной.
Андрей смотрел.
— Есть локальные вариации?
— Есть.
— Но?
— Они маленькие.
— Насколько?
— В десятки раз меньше, чем на первой ветви.
Ган вспомнил, как в Гаан поля разговаривали со всем сразу — водой, грибницей, Эйя, Сирианскими линиями, Ара.
Здесь фон выглядел спокойнее.
Нет.
Слово «спокойнее» уже пугало после Рэма.
Скажем иначе:
устойчивее.

Лара прошла первой.
Проверила себя.
Потом Ган.
Вчерашний запах дождя остался.
К нему добавился другой — сухой, почти сладкий запах растений.
Эл ждал.

Сегодня возле площадки стояла ещё одна женщина.
Ган увидел её только после перехода.
Она появилась бесшумно, хотя прятаться было негде.
Среднего роста.
Тёмные волосы собраны очень просто.
Лицо молодое, но глаза казались старше.
Не по морщинам.
По манере смотреть.
Эл указал на неё.
— Маэй.
Женщина коснулась груди.
— Маэй.
— Ган.
— Лара.
Маэй повторила имена.
Потом посмотрела на переход.
На Андрея по другую сторону.
— Ан-дрэй?
Ган засмеялся.
Андрей в динамике:
— Даже не начинай.
— Это действительно Андрей.
Эл различил два слова.
«Андэй» — место.
«Андрей» — человек.
Его это почему-то позабавило.
Он несколько раз повторил оба, стараясь услышать разницу.

Сегодня им разрешили пройти дальше площадки.
Эл показал на дорогу.
Потом на часы Лары.
Сделал движение короткое.
Недалеко.
Хорошо.
Протокол тот же.
Пятнадцать минут.
Потом связь с Бункером.
Если всё нормально — ещё пятнадцать.
Ган уже знал, что пятнадцать минут в новом мире обычно успевают превратиться в час проблем, поэтому соглашение казалось разумным.
Они пошли.

Дорога была выложена светлым камнем.
Ган вчера решил, что его отполировали.
Сегодня понял: поверхность росла такой.
На краях оставались участки естественной породы с той же гладкостью.
Камень выглядел почти как известняк, но Андрей по спектральному анализу ругался в наушнике: состав другой.
Долина оказалась шире.
Тонкий серебристый покров, который с камеры напоминал низкую траву, действительно был растением.
Только каждый «лист» представлял собой длинную

узкую пластину толщиной с волос, собранную в плотные веера. Ветер проходил через них почти без сопротивления.
Поэтому издалека поле казалось неподвижным.
Ган присел.
Не касался.
Маэй увидела.
Сама провела пальцами по одному вееру.
Разрешение.
Ган повторил.
Растение было прохладным.
У основания серебристое.
К краю становилось прозрачным.
Когда палец прошёл вдоль листа, цвет медленно вернулся за ним, как след на воде.
— Реагирует на давление, — сказала Лара.
Эл повторил последнее слово:
— Дав-ле-ни-е.
Лара посмотрела на него.
— Быстро ты.
Эл не понял фразы.
Но слово запомнил.

По дороге не было мусора.
Совсем.
Ни сухих листьев.
Ни обломанных веток.
Ни случайных камней на проходе.

Ган заметил это почти сразу.
Сначала показалось следствием аккуратности.
Через несколько минут стало странно.
Природа производит беспорядок даже там, где люди ничего не делают.
Ветер ломает.
Растения сбрасывают.
Животные оставляют следы.
Здесь что-то отсутствовало.
Он показал Ларе на край дороги.
— Видишь?
— Да.
— Слишком чисто.
— Я ещё вчера сказала.
— Ты про микробиологию.
— Теперь и про это.
Маэй услышала интонацию.
Посмотрела, куда они смотрят.
Потом подошла к серебристому полю.
Нашла один сухой кончик.
Сломала.
Положила на камень.
Отошла.
Ган ждал.
Ничего.
Через минуту из края дорожки появилась тонкая светлая нить.
Не животное.
Корень?

Она коснулась сухого фрагмента.
Подтянула.
Через несколько секунд лист исчез в щели между камнем и почвой.
Ган присел.
— Уборка?
Эл произнёс незнакомое слово.
Показал на поле.
На сухой фрагмент.
На землю.
Круговое движение.
Переработка.
Система сама возвращала отмершее внутрь.
Не стерильность.
Очень быстрый цикл.

— Это естественное? — спросила Лара.
Эл не понял.
Она показала на поле.
Потом на него.
Человек сделал?
Эл посмотрел на Маэй.
Они обменялись несколькими словами.
Маэй ответила.
Жестом показала далеко.
Потом на растения.
Потом на себя.
Ган понял только общий смысл:

очень давно.
Слишком давно, чтобы граница между природным и созданным оставалась простой.

Первое строение оказалось не домом.
Круглая площадка под низким навесом.
Внутри стояли чаши с водой, несколько светлых ложементов и прозрачные пластины.
Эл остановился.
Показал на Гана и Лару.
На площадку.
Потом назад — на переход.
Ган понял:
проверка.
Зона прибытия.
Маэй взяла тонкую пластину.
Провела возле Лары.
Поверхность наполнилась знаками.
Никакого прикосновения.
Потом возле Гана.
Отдельный рисунок.
Лара напряглась.
— Что измеряет?
Маэй показала на грудь.
Дыхание.
На голову.
На руку.
Кровь?

Температуру?
Слишком много.
Она коснулась одного знака.
Потом пальцем показала Ларе её прибор.
Аналогия.
Диагностика.
Лара немного расслабилась.
— Можно посмотреть?
Маэй дала.
На пластине изображения двигались.
Не цифры.
Силуэты тела.
Несколько пульсирующих областей.
Лара указала на себя.
Маэй кивнула.
— Удобно.
Ган:
— Уже хочешь украсть?
— Саар не крадёт.
— Ты быстро учишься.

Маэй показала на один участок изображения Лары.
Маленькая красная точка возле правого плеча.
Лара удивилась.
— Это что?
Ган вспомнил, что утром она жаловалась на мышцу после переноски оборудования.
Лара подвигала плечом.

— Напряжение.
Маэй коснулась собственного плеча.
Потом показала движение.
Да.
Она видела локальную нагрузку.
— Очень удобно, — повторила Лара уже другим тоном.
Ган рассмеялся.

Его пластина была почти вся ровной.
Но в голове отображался маленький светлый участок.
Маэй нахмурилась.
Показала вопрос.
Ган пожал плечами.
Что?
Она коснулась виска.
Потом сделала движение, похожее на вращение.
Ган вспомнил нулевой режим.
Много последних переходов.
Бункер.
Поле?
Маэй сказала:
— Андэй.
Потом на его голову.
Снова вопрос.
Эл вмешался.
Показал на переход.
На Гана.
На точку остановки знаком круга.

Вот.
След недавнего перехода.
Их система видела что-то, связанное с фазовым воздействием.
Лара сразу перестала восхищаться технологией.
— Как долго это держится?
Никто не понял.
Она показала время.
Маэй подумала.
Подняла три пальца.
Три минуты?
Часа?
Дня?
Эл показал на местное солнце.
Три дня.
Ган поморщился.
— Прекрасно.
Лара посмотрела.
— Не Тэй.
— Уже заразился.

Им предложили воду.
Из прозрачной чаши.
Лара проверила.
Чистая.
Минеральный состав необычный, но безопасный.
Эл выпил первым.
Ган сделал глоток.

Вода была чуть сладковатой.
Холодной.
Ничего космического.
Маэй следила за пластиной.
После воды отметка в животе Гана изменилась.
Она кивнула.
Проверка усвоения?
Возможно.
Зона была построена не для торжественной встречи.
Для того, чтобы убедиться: пришедший способен здесь существовать.
Практично.

За площадкой дорога раздваивалась.
Эл повёл их вправо.
Левый путь закрывала тонкая лента света.
Не стена.
Просто обозначение.
Ган показал туда.
Эл покачал головой.
Потом на них.
Снова нет.
Пока.
Зона имела границы.
Название «Андэй» могло относиться именно к этой области.
Ган показал на землю вокруг.
— Андэй?

Эл кивнул.
Потом показал далеко, за башни.
Произнес другое слово:
— Андра.
Ган повторил.
Андра.
Возможно, весь мир.
Андэй — зона?
Лара поймала мысль.
Показала круг вокруг площадки:
— Андэй?
Да.
Потом далеко:
— Андра?
Да.
Прекрасно.
Первое ясное различие.
Зона Андромеды.
Не вся планета.
Переходная область.

Ган оглянулся.
Теперь многое становилось понятнее.
Слишком чистая дорога.
Диагностическая площадка.
Ограниченный маршрут.
Контроль среды.
Андэй была зоной контакта.

Местом, где мир Андромеды соприкасался с пришедшими.
Возможно, именно поэтому здесь так мало случайности.
Её удерживали стабильной намеренно.

— Карантин? — спросила Лара.
Эл не понял.
Она показала себя.
Мир.
Микроорганизмы.
Сделала жест смешения.
Потом покачала головой.
Эл понял.
Кивнул.
Не просто медицинский карантин.
Барьер экосистем.
Они тоже боялись занести что-то к себе.
Разумно.
Лара выглядела довольной.
— Наконец-то цивилизация, которая не разрешает инопланетянам сразу лезть в столовую.
Ган:
— В Гаан нас почти сразу накормили.
— И мы уже успели принести им микробы с Земли.
— Пока без катастроф.
— Это не аргумент.

Андрей по связи спросил:
— Есть какие-то барьеры на обратную сторону?
Ган передал вопрос жестами.
Эл показал на переход.
На площадку диагностики.
На себя.
Потом ладонью провёл словно через фильтр.
Да.
Они контролировали не только пришедших в Андромеду.
Уходящих тоже.
Ган почувствовал уважение.
Такая цивилизация уже сталкивалась с переходами между мирами.
И явно давно.

Первое живое существо Андромеды встретилось им возле воды.
Небольшое.
Размером с кошку.
Шесть тонких ног.
Тело покрыто короткой серебристой шерстью.
Голова вытянутая, без явных ушей.
Существо вышло из поля.
Посмотрело.
Ган остановился.
Лара тоже.
Эл ничего не делал.

Животное подошло к Маэй.
Коснулось её ноги.
Потом направилось к Ларе.
На расстоянии метра застыло.
Втянуло воздух.
Не приблизилось.
Развернулось.
Ушло.
— Я ему не понравилась, — сказала Лара.
Ган:
— После стольких дней наконец кто-то сказал тебе правду.
Она толкнула его локтем.
Маэй засмеялась, хотя слов не поняла.

У воды стоял человек.
Старик.
По крайней мере так сначала решил Ган.
Серебристые волосы длиннее, чем у Эла.
Лицо тонкое.
Ни морщин.
Но движения медленнее.
Он разговаривал с другим мужчиной.
Когда увидел пришедших, подошёл.
Эл произнёс имя:
— Орен.
Орен посмотрел на Гана.
Потом на Лару.

Не удивился.
Положил ладонь на грудь.
— Орен.
Они представились.
Орен повторил имена.
Потом сказал что-то Элу.
Тот ответил.
Ган уловил одно слово:
— Сира.
Орен посмотрел внимательнее.
Сириане.
Они уже знают, откуда пришёл переход?
Или Эл рассказал.
Конечно рассказал.

Орен достал из складки одежды маленькую светлую пластину.
Показал изображение.
Ган почувствовал, как всё внутри остановилось.
На пластине был Гаан.
Не фотография сегодняшнего дня.
Другое изображение.
Древо меньше.
Поселений почти нет.
Рядом стояли люди.
Сирианские фигуры.
И ещё один человек.
Очень похожий на Эла.

Ган посмотрел на Эла.
Потом на пластину.
Снова на Эла.
Эл улыбнулся.
Лара тихо сказала:
— Спокойно.
— Я спокоен.
— У тебя лицо.

На изображении человек действительно выглядел как Эл.
Та же линия подбородка.
Те же глаза.
Серебристые короткие волосы.
Одежда другая.
Может быть, представитель одного рода.
Может быть, художественный канон.
Может быть, имя передаётся.
Ган не собирался повторять ошибку.
Он показал на изображение.
Потом на Эла.
Вопрос.
Эл посмотрел на пластину.
Кивнул.
Ган замер.
Нет.
Это ещё может означать «мой народ».
Он показал:
тот человек — Эл?

Назвал имя.
Указал на изображение.
Эл снова:
— Эл.
Лара перестала улыбаться.

Ган показал время.
Очень давно.
Сира.
Гаан меньше.
Потом на Эла.
Как?
Эл понял хотя бы часть.
Сел на край камня.
Пригласил их жестом.
Орен тоже сел.
Маэй осталась стоять.
Похоже, разговор будет долгим.

Эл показал на себя.
— Эл.
Потом на пластину.
— Эл.
На себя.
Снова.
Один.
Тот же?

Ган показал двумя пальцами:
два Эл?
Эл покачал головой.
Один.
Лара смотрела молча.
Ган почувствовал, как старое предание из Гаан — «те, кто возвращается с тем же лицом» — перестаёт быть далёкой легендой.
Но всё ещё мог существовать другой смысл.
Копия?
Перенос памяти?
Тело выращено заново?
Имя функции?
Нужно спрашивать.

Ган показал на тело.
На Эла.
Потом жест рождения.
Рост.
Старение.
Смерть.
Сделал это неловко, но понятно.
Эл следил.
Когда Ган показал смерть, он произнёс незнакомое слово:
— Мор.
Потом на себя.
Покачал головой.
Лара тихо выдохнула.

Эл показал на Орена.
Тоже покачал.
На Маэй.
Тоже.
Здесь «мор» к ним не относится?
Или в данный момент они не умирают?
Слишком мало.

Маэй вмешалась.
Она явно понимала, что землян сейчас унесёт в неверную сторону.
Взяла сухой лист с края серебристого поля.
Показала.
Старый лист.
Он распался в её пальцах.
Потом указала на себя.
Покачала головой.
Дальше на серебристое растение.
Живой лист.
Он меняется?
Она согнула.
Отпустила.
Вернулся.
Потом на Эла.
Что-то сказала.
Эл поправил.
Они начали спорить.
Это было хорошим знаком.

Даже бессмертные, если они бессмертные, не имели единой формулировки собственного состояния.

Лара попробовала иначе.
Она показала число.
Один.
Потом два.
Три.
Пять.
Десять.
Жест года — солнце проходит цикл.
Показала на Эла.
Сколько?
Он понял.
Подумал.
Потом поднял руку и провёл по пластине.
На поверхности возникли символы.
Числа?
Ган не знал.
Эл показал значение через повторяющиеся солнечные циклы.
Много.
Очень много.
Андрей по связи:
— Сфотографируй.
Ган уже.
Маэй увидела.
Разрешила.

Перевод числа занял полчаса.
Эл использовал систему оснований, которая не совпадала ни с десятичной, ни с местной Гаан.
Через повторения и простые количества Андрей постепенно восстановил.
Потом замолчал.
— Сколько? — спросил Ган.
— Если я правильно понял их единицу года…
— Андрей.
— Около девяти тысяч земных лет.
Лара посмотрела на Эла.
Тот сидел на камне и спокойно пил из своего тёмного сосуда.
— Девять тысяч?
— Плюс-минус огромная погрешность.
— Насколько огромная?
— Может быть несколько сотен лет.
Ган засмеялся.
— Очень утешает.

Эл услышал смех.
Улыбнулся.
Ган показал на Орена.
Возраст?
Орен сам ответил.
Его число оказалось меньше.

Перевод примерно шесть тысяч лет.
Маэй — около четырёх с половиной.
Она выглядела лет тридцати пяти.
Лара очень медленно убрала медицинский прибор.
— Я хочу проверить всё.
Ган:
— Ты это уже говорила.
— Теперь совсем всё.

Эл не выглядел гордым.
Не ожидал восхищения.
Для него собственный возраст был такой же информацией, как давление воздуха.
Вот это потрясало больше цифры.
Люди, живущие тысячи лет, не рассказывали об этом как о достижении.
Значит, здесь это норма.
Или хотя бы привычная возможность.

Ган посмотрел на Андэй иначе.
Чистота.
Устойчивость.
Минимальные полевые колебания.
Быстрый цикл переработки.
Стабильная инфраструктура.
Организованная зона перехода.
Девять тысяч лет.

Связь между всем этим казалась слишком прямой.
Не проводить линию сразу.
Он уже научился.
Но вопрос возник.
Что приходится делать миру, чтобы человек мог оставаться в нём тысячелетиями?

Ответ появился раньше, чем он ожидал.
Не от Эла.
От ребёнка.
По крайней мере Ган решил, что это ребёнок.
Маленькая фигура шла по дальнему пути.
Ростом до плеча Маэй.
Лицо юное.
Одежда короткая.
Человек подошёл.
Эл представил:
— Ри.
Ри выглядела лет двенадцати.
Она внимательно рассмотрела Гана.
Потом Лару.
Улыбнулась.
Спросила что-то.
Маэй ответила.
Ри широко раскрыла глаза.
Земляне явно были интересными.
Лара тут же спросила возраст.
Ган даже не остановил.

Ри поняла через уже знакомую систему.
Показала число.
Андрей считал.
Снова.
Потом сказал:
— Я отказываюсь.
— Сколько?
— Триста восемьдесят.
Ган посмотрел на девочку.
— Лет?
— Если мы нигде фундаментально не ошиблись.
Ри в это время гоняла шестиногое животное камешком по дороге.
Триста восемьдесят лет.
И выглядит ребёнком.

Значит, дело не только в отсутствии старения.
Скорость развития тоже другая.
Лара оживилась.
— Вот это уже очень важно.
Она показала Ри рост.
Маленькая.
Потом Маэй.
Большая.
Потом время.
Ри ответила.
Маэй помогала.
Картина складывалась.

Рост продолжается долго.
Очень долго.
Физическое взросление занимает столетия.
Ри по их меркам действительно была ребёнком.
Не маленькая бессмертная в теле ребёнка.
Их биология разворачивалась на другой временной шкале.

— Тогда Эл может быть не «вечным», — сказал Ган.
— Девять тысяч всё равно не мало.
— Но если взросление занимает сотни…
— Старение может занимать десятки тысяч.
— Или вообще отсутствовать.
Лара посмотрела.
— Именно это я хочу проверить, а не придумывать.
Хорошо.

Эл повёл их дальше.
Теперь уже за диагностическую площадку, но всё ещё внутри Андэй.
Дорога вошла в светлый сад.
Деревья здесь были странно одинаковыми.
Не клонированными.
Форма ветвей отличалась.
Но высота почти одна.
Толщина стволов тоже.
Лара сразу заметила.

— Возраст?
Ган показал Элу.
Старые?
Молодые?
Эл провёл рукой по ряду.
Все.
Одного времени?
Маэй вмешалась.
Показала на одно дерево.
Нарисовала в воздухе много циклов.
Другое — столько же.
И ещё.
Сад был посажен одновременно.
Сколько лет?
Андрей снова переводил числа.
Около трёх тысяч.
Ган подошёл ближе.
Деревья выглядели зрелыми.
Но не древними.
Ни дупел.
Ни сухих крупных ветвей.
Ни толстых шрамов.
— Их лечат? — спросила Лара.
Маэй кивнула.
Но не только.
Она показала на дерево.
На почву.
На свет.
На воду.

На прозрачную пластину возле корня.
Среда постоянно поддерживала организм.
Не ждали болезни.
Система заранее удерживала параметры.

Ган почувствовал знакомый холод.
Белое дерево Сира.
Рэма.
Шаа.
Нет.
Не спешить.
Здесь деревья живые.
Растут.
Реагируют.
Три тысячи лет существования сами по себе не ошибка.
Но вопрос оставался.
Где проходит граница между поддержкой жизни и страхом изменения?

На одном дереве он наконец увидел повреждение.
Большая трещина в коре.
Старая.
Заросшая почти идеально.
Маэй заметила его интерес.
Показала:
когда-то ветка сломалась.
Ган сделал жест:

ветер?
Она покачала головой.
Не знает.
Давно.
Трещина осталась.
Не стерли полностью.
Значит, Андромеда всё же не превращала живое в безупречную копию.
Это немного успокоило.

И тут сад закончился.
За ним стояла стена.
Низкая.
Белая.
Никакой охраны.
В стене широкий проход, перекрытый той же тонкой световой лентой, что на развилке.
За ней начиналась другая Андромеда.
Ган увидел настоящий город.
То, что издалека казалось башнями, оказалось огромной системой вертикальных домов, мостов и светлых террас.
Всё чрезвычайно красиво.
И почти неподвижно.
Люди были.
Много.
Но никто не спешил.
Транспорт — если светящиеся платформы были транспортом — двигался медленно.

Никаких строек.
Никакого дыма.
Никакого уличного шума.
Ни одного яркого рекламного пятна.
Никакого беспорядка.
Город выглядел завершённым.
Именно это слово пришло Гану.
Завершённым.

Эл остановился у границы.
Показал:
дальше сегодня нельзя.
Андэй заканчивается.
Андра начинается там.
Ган кивнул.
Не спорил.
За световой линией прошла женщина.
Посмотрела на землян.
Остановилась.
Улыбнулась Элу.
Они обменялись короткими словами.
Потом она продолжила путь.
Ган смотрел ей вслед.
Её лицо показалось знакомым.
Не потому, что видел сегодня.
Где-то ещё.

— Лара.
— Что?
— Я её видел.
— Где?
Ган пытался вспомнить.
Сирианский архив.
Старые изображения Андэр.
Одна фигура рядом с Сирианами.
Женщина.
Очень похожая.
Нет.
Это может быть тип лица.
Память подгоняет.
Он не стал говорить.

Эл посмотрел на часы Лары.
Пора возвращаться.
Пятнадцать минут давно превратились в два часа.
Андрей по связи был настолько занят данными, что перестал напоминать.
Сава будет в восторге.

На обратном пути Ри шла с ними.
Она задавала вопросы без общего языка.
Показывала на волосы Гана.
На кожу.
На обувь.

На коробку Саар.
Ган дал посмотреть пустые таблички.
Ри нарисовала одну вещь.
Круг.
Внутри много маленьких точек.
Потом одну точку отдельно.
Показала на Гана.
Вопрос.
Он не понял.
Она снова.
Круг с множеством.
Точка.
Ган.
Маэй увидела.
Сказала что-то Ри.
Девочка рассмеялась.
Ган:
— Мне никто ничего не объяснит?
Эл понял интонацию, но не слова.

У диагностической площадки Маэй нашла способ.
Показала на город.
Много людей.
Потом на одного человека.
Провела линию.
Потом на Гана.
Снова вопрос.
Семья?

Род?
Она спрашивает, к какой группе он принадлежит?
Ган показал Землю.
Потом людей.
Потом себя.
Маэй покачала головой.
Не то.
Она нарисовала временную линию.
Один человек.
Через долгое время — тот же.
Потом ещё.
Рядом другой человек.
Линии почти не пересекаются.
Ган начал понимать.
В Андромеде индивидуальная жизнь настолько длинна, что привычная идея поколений устроена иначе.
Ри, вероятно, спрашивала, **кто продолжает Гана**, если он живёт мало.
Дети?
Род?
Ученики?
Саар?

Ган нарисовал простое дерево Рода.
Предки.
Он.
Потом линия дальше.
Пожал плечами.

Маэй рассматривала.
Ри тоже.
Эл смотрел особенно внимательно.
Потом Эл указал на ветвь после Гана.
Пустую.
— Мор?
Смерть?
Ган кивнул.
Да.
Когда-нибудь.
Эл снова на будущую ветвь.
Продолжение.
Ган кивнул.
Вот.
После смерти человек всё равно продолжается через других.
Род.
Вэда.
След.
Ри смотрела так, будто впервые увидела совершенно невозможную технологию.
Именно технологию.
Не трагедию.

Ган понял, что для них смерть может быть не ужасом, а странным принципом устройства чужой цивилизации.
Так же как для него девять тысяч лет в одном теле казались почти невозможными.

Два мира смотрели друг на друга через разные нормы.
Кто из них выше?
Вопрос уже казался плохим.

Перед переходом Эл остановил Гана.
Показал на коробку Саар.
Можно?
Ган дал.
Эл открыл.
Внутри сухая ветка Гаан.
Чистые таблички.
Ничего больше.
Он взял ветку.
Очень осторожно.
Посмотрел.
На секунду лицо изменилось.
Узнал?
Ган показал:
Гаан.
Эл кивнул.
— Гаан.
Произнёс почти правильно.
Потом положил ветку обратно.
И неожиданно сказал старое слово:
— Сира.
Ган насторожился.
Гаан и Сира?
Эл показал на ветку.

На себя.
Потом далеко назад, в сторону города.
Сказал фразу.
Среди непонятных слов снова прозвучало:
— Сира.
И одно имя.
— Раан.
Ган замер.
Раан.
Сирианин из древнего рельефа.
Тот, кто сажал растение вместе с местной женщиной.
Тот, кто, возможно, участвовал в отказе от постоянного Света.
Эл знал имя.

Ган показал на Раана.
Потом на Эла.
Вы встречались?
Эл понял.
Кивнул.
Один раз.
Ган почувствовал, как пространство вокруг становится слишком тихим.
Лара тоже поняла.
— Спроси когда.
Ган показал время.
Эл сделал число.
Андрей по связи считал.

Долго.
Потом выругался.
— Что?
— Если единицы те же…
— Андрей.
— Примерно семь тысяч лет назад.
Ган смотрел на Эла.
Семь тысяч лет назад он встречался с Рааном.
Не «его предок».
Не запись.
Сам Эл.

Ган показал на древнее изображение Гаан.
На Эла.
Снова:
ты был там?
Эл кивнул.
Да.
Очень спокойно.
Будто Ган спрашивал, бывал ли он в соседнем городе.
Лара перестала держать прибор перед собой.
Опустила руку.
— Значит, предание было буквальным.
По крайней мере в его случае.
Эл — один и тот же человек.
Сирианский контакт.
Гаан.
Семь тысяч лет назад.

Сегодня.

Ган почувствовал желание задать тысячу вопросов.
Как?
Тело?
Память?
Старение?
Болезни?
Рождение?
Можно ли умереть?
Почему тогда Сириане пытались стабилизировать Свет?
Чему Андромеда их научила?
Что потеряла сама?
Все вопросы рванулись сразу.
Он вспомнил чёрное пятно из линий, которое рисовал Саве.
Слишком много.
Стоп.

Вместо этого Ган показал на Эла.
Потом на себя.
На завтра.
Можно снова?
Эл улыбнулся.
— Ган.
Кивнул.
Да.

Потом коснулся груди.
— Эл.
И добавил ещё одно слово:
— Мор-са.
Ган не понял.
Маэй услышала.
Сразу посмотрела на Эла.
Они коротко поговорили.
Ри перестала играть с пластиной.
Тон изменился.
Лара насторожилась.
— Что он сказал?
Ган не знал.
Эл попробовал объяснить.
Показал на Гана.
На Лару.
На переход.
Потом на город за границей Андэй.
После — на себя.
И снова:
— Мор-са.
Маэй показала на смерть.
Мор.
Потом перечеркнула.
И добавила второй жест — удержание.
Сохранение?
Отсутствие смерти?
Эл покачал головой.
Не совсем.

Он показал на город.
На людей.
На себя.
И медленно провёл ладонью вперёд по прямой.
Очень далеко.
Без разрыва.

Ган понял только одно.
Завтра они собирались узнать, что здесь считается обычной человеческой жизнью.
И почему человек, помнивший Сириан семь тысяч лет назад, смотрел на короткую земную жизнь не с жалостью. С любопытством.
Будто именно в смертности Гана находилось знание, которого Андромеда когда-то лишилась.

Часть III. АНДРОМЕДА
Глава 2. Бессмертные

На третий переход Эл опоздал.

Всего на несколько минут.

Но после вчерашних девяти тысяч лет его жизни это почему-то показалось Гану чрезвычайно приятным.

— Значит, даже бессмертные опаздывают, — сказал он.

Лара проверяла медицинский контейнер.

— Ты уже назвал их бессмертными.

— Человек помнит встречу семитысячелетней давности.

— И?

— Для начала неплохо.

— Для начала это долгожительство.

— Девять тысяч лет.

— Девять тысяч лет — тоже число.

— Ты хочешь дождаться десяти?

— Я хочу понять, могут ли они умереть.

Из-за панели отозвался Андрей:

— Прекрасная утренняя беседа.

Ган посмотрел в камеру.

— Ты спал?

— Два часа.

— Лара сейчас придёт к тебе.

— Я далеко.

— Это единственное, что тебя спасает.

Андрей усмехнулся и снова ушёл в данные.

Малый контур пока оставался закрытым. За его границей существовала только металлическая стена Бункера и слабый низкий гул системы.

Ган неожиданно подумал, насколько быстро человек привыкает к невозможному.

Ещё несколько недель назад дверь в соседнюю реальность была пределом воображения.

Теперь они раздражались, если межгалактический переход открывался с задержкой.

Эл появился, когда Андрей уже собирался запускать второй цикл синхронизации.

Он шёл быстро.

Впервые.

И почти сразу стало понятно, почему опоздал.

На руках он нёс Ри.

Девочка — если слово «девочка» вообще подходило человеку возрастом почти четыреста лет — прижимала к животу левую руку.

На светлой одежде было тёмное пятно.

Кровь.

Лара оказалась у контура раньше всех.

— Открывайте.

— Сначала стабилизация, — сказал Андрей.

— Быстрее.

Эл встал у площадки с другой стороны.

Ри была в сознании.

Лицо бледное.

Маэй бежала следом.

Она что-то говорила Элу, потом приложила к боку Ри прозрачную пластину.

На ней вспыхнули линии.

Лара смотрела через ещё маленькое окно.

— Травма живота.

Ган почувствовал, как внутри мгновенно исчезли все философские вопросы о бессмертии.

Осталась раненая девочка.

Переход расширился.

Лара шагнула первой.

Ган за ней.

Эл сразу опустил Ри на диагностическую площадку.

Маэй положила ладонь на её грудь.

На пластине появилось изображение внутренних органов.

Лара замерла.

Не от вида крови.

От того, что показывал экран.

В боку Ри находился глубокий прокол.

Что-то вошло ниже рёбер, прошло через ткани и задело

орган, который по положению напоминал человеческую печень.

Кровотечение.

Серьёзное.

— Что случилось?

Эл не понял.

Маэй сделала резкое движение рукой.

Показала на серебристое поле.

Потом вниз.

Что-то упало?

Ри попыталась объяснить сама.

Она говорила быстро, морщилась от боли и всё равно ещё пыталась улыбаться.

Эл коротко её остановил.

Впервые его голос прозвучал жёстко.

Ри замолчала.

Так.

Здесь тоже взрослые говорят детям перестать геройствовать.

Хорошо.

Лара хотела открыть медицинский контейнер.

Маэй остановила.

Не запретила.

Попросила подождать.

Она положила прозрачную пластину прямо на кожу Ри.

Та стала почти невидимой.

Под ней ткань живота проступила слоями.

Ган отвернулся бы, если бы изображение было похоже на вскрытие.

Но крови внутри почти не показывало.

Скорее карту состояния.

Маэй провела пальцем над повреждением.

Пластина ответила мягким золотистым свечением.

Ри вздрогнула.

Лара резко:

— Что она делает?

Эл показал:

лечит.

Как?

Никто пока не объяснит.

Кровотечение замедлилось.

Это было видно.

Не мгновенно.

За несколько минут.

Сосуды вокруг прокола сжимались и меняли рисунок.

Повреждённая ткань будто начинала сводить края.

Лара опустилась на колени.

Теперь она уже не пыталась вмешиваться.

Только смотрела.

— Андрей, видишь?

— Да.

— Записывай всё.

— Уже.

— Частота?

— В пластине несколько диапазонов. Свет, поле, ещё что-то, что я пока не могу определить.

Маэй приложила вторую тонкую полоску.

Ри закрыла глаза.

Ган спросил:

— Больно?

Она поняла по лицу.

Кивнула.

Хорошо.

Странно было радоваться боли, но после Сирианского Света исчезновение боли слишком хорошо научило их осторожности.

Здесь лечение не выключало тело из переживания.

Ри чувствовала.

Дышала.

Сжимала пальцы Маэй.

Иногда ругалась на своём языке.

Это было живо.

Через двадцать минут кровь на одежде перестала увеличиваться.

Через сорок Ри заснула.

Нормально.

Не Шаа.

Лара проверила.

Реакция на прикосновение.

Дыхание.

Пульс.

Всё сохранялось.

Эл сидел у её ног.

Маэй продолжала работу.

Орен появился позже.

Посмотрел на Ри.

Спросил что-то.

Эл ответил.

Орен нахмурился.

Потом неожиданно ударил Эла по плечу.

Не сильно.

Но вполне человечески.

Эл возмутился.

Орен сказал ещё одну фразу.

Ри, не открывая глаз, засмеялась.

Лара посмотрела на Гана.

— Кажется, он ругает его за то, что ребёнок полез куда не надо.

— У нас Тэй, у них Эл.

— Вселенная стабильна.

Причину травмы выяснили позже.

Ри пыталась достать тонкий кристаллический плод с высокого растения на краю зоны.

Не дождалась взрослого.

Полезла.

Ветка, которую она считала устойчивой, оказалась старой.

Сломалась.

Ри упала на жёсткий отросток нижнего куста.

Всё.

Никакой катастрофы.

Никакой космической атаки.

Обычный детский способ напомнить взрослым, что бессмертие ещё не отменяет глупость.

Эл действительно опоздал к переходу, потому что сначала занимался ею.

Это понравилось Гану ещё сильнее.

Он не был вечным проводником героя.

У него уже шёл свой день.

Через два часа Маэй сняла первую пластину.

Лара попросила разрешения снова посмотреть.

Маэй кивнула.

Прокол оставался.

Но его глубина уменьшилась почти вдвое.

Повреждённые сосуды закрыты.

Ткань соединялась.

— Это регенерация, — сказала Лара.

Андрей:

— Быстрая.

— Очень.

Маэй услышала слово, которое уже знала:

— Регене… рация.

Лара показала:

да.

Потом на Ри.

Всегда так?

Маэй подумала.

Кивнула.

У взрослых медленнее или быстрее?

Она указала на себя.

Потом на Ри.

Почти одинаково.

Ган нахмурился.

— Тогда почему они вообще стареют так медленно?

Лара посмотрела:

— Может быть, потому что этот же механизм постоянно исправляет повреждения до того, как они накапливаются.

Маэй не поняла слов, но увидела жесты.

Взяла пластину.

Показала на маленькие светлые точки во всём теле Ри.

Их было много.

Тысячи.

Сеть.
— Это клетки? — спросила Лара.
Маэй отрицательно качнула головой.
Показала:
внутри тела.
Везде.
Потом ладонью изобразила восстановление.
Резервная ткань?
Регенеративная сеть?
Ган решил пока ничего не называть.

Ри проснулась к полудню.
Первое, что сделала, — попыталась сесть.
Эл уложил обратно.
Она возмутилась.
Орен засмеялся.
Маэй произнесла одну короткую фразу.
Ри перестала спорить.
Лара смотрела с уважением.
— Нам нужен перевод именно этой фразы.
Ган:
— Для Эви?
— Для всех детей Вселенной.

Ри была голодна.
Это стало ещё одним успокаивающим фактом.

Ей принесли густую светлую массу в чаше и несколько плодов.

Она ела.

После травмы.

После регенерации.

Организм требовал материала.

Не создавал себя из света.

Хорошо.

Лара тут же начала задавать вопросы о питании.

Маэй отвечала.

Белки?

Аналоги есть.

Минералы.

Углеводы или нечто близкое.

Тело Андромедан не было энергетическим призраком.

Оно оставалось биологией.

Очень необычной.

Но биологией.

— Значит, они всё-таки могут погибнуть, — сказал Ган.

Лара посмотрела на Ри.

— Травма была потенциально опасной.

Эл услышал знакомое слово:

— Мор?

Ган кивнул.

Показал на Ри.

Если сильнее?

Мор?

Эл стал серьёзным.

Подумал.

Кивнул.

Да.

Вот.

Не абсолютное бессмертие.

Тело можно разрушить.

Ган почувствовал почти разочарование и сразу удивился ему.

Чего он ожидал?

Что андромедец сможет выйти из эпицентра звезды и отряхнуться?

Лара, кажется, прочитала лицо.

— Доволен?

— Очень странно.

— Что?

— Я хотел узнать, могут ли они умереть. Узнал. И теперь слово «бессмертные» вроде бы неправильное.

Эл смотрел.

Не понимал, о чём они.

Лара сказала:

— Может, для них бессмертие означает не невозможность смерти.

— А что?

Она показала на Эла.
Девять тысяч лет.
— Отсутствие обязательной смерти.
Это было точнее.

Эл помог.
Он уже знал, какой вопрос они пытаются построить.
Взял палочку.
Нарисовал на земле человека.
Линию времени.
Земного человека Ган показал сам:
рождение.
Рост.
Старость.
Мор.
Конец линии.
Эл кивнул.
Потом нарисовал себя.
Рождение.
Рост.
Дальше линия.
Длинная.
Ещё.
Ещё.
Мор он нарисовал сбоку.
Как возможность.

Не как конец, к которому линия обязательно приходит.

Ган смотрел.

Вот.

Смерть у них существовала.

Но не была встроена в тело как обязательное завершение срока.

Если ничего разрушительного не произойдёт, жизнь продолжается.

Сколько?

Эл пожал плечами.

Он не знает.

Никто не знает?

Эл кивнул.

Лара села рядом.

— У вас кто-нибудь умирал от старости?

Слова бессмысленны, но жесты понятны.

Старость.

Дряхлость.

Тело само прекращает работать.

Эл долго подбирал ответ.

Потом позвал Орена.

Они поговорили.

Маэй вмешалась.

Даже Ри со своего ложа что-то сказала.

Спор.

Наконец Эл показал:

очень давно.

Не сейчас.

Когда?

До их нынешнего способа жизни.

Ган почувствовал холодок.

Значит, бессмертие не просто естественная биология вида.

Они его получили.

Создали?

Развили?

Маэй взяла старую прозрачную пластину.

Показала тело.

Потом одну светящуюся точку.

Ещё.

Ещё.

Всё тело.

Изменение.

Лечение.

Поддержка.

Потом она показала на Эла.

На Орена.

На себя.

И слово:

— Мор-са.

Вот оно.

Вчерашнее.

Теперь слово начинало раскрываться.

Мор — смерть.

Са?

Состояние?

Путь?

Удержание?

Маэй показала:

Мор.

Линия, которая ведёт к нему сама.

Потом перечеркнула.

Мор-са.

Смерть остаётся возможной, но перестаёт быть обязательной траекторией тела.

Ган повторил:

— Мор-са.

Эл кивнул.

Андрей через динамик сказал:

— Функциональное бессмертие.

Лара поморщилась.

— Ужасное словосочетание.

— Зато точное.

— Для статьи.

Ган смотрел на Ри.

Девочка доедала плод и уже пыталась ногой дотянуться до шестиногого животного, которое сидело рядом.

Не статья.

Жизнь.

После того как Ри стабилизировалась, Эл предложил идти дальше.

Лара отказалась.

Ган удивился.

— Почему?

— Я остаюсь с Ри.

— Маэй здесь.

— Да. И я хочу увидеть, как идёт восстановление через несколько часов.

— Хорошо.

Лара посмотрела:

— И ты идёшь без меня.

Пауза.

— Тоже хорошо.

Ей явно понравилось, что он не стал спорить.

Ган пошёл с Элом и Ореном.

Впервые без Лары.

Связь с Бункером работала.

Андрей слышал.

Сава и остальные оставались на первой ветви.

Ган внезапно ощутил масштаб расстояния.
Не физически.
Просто до сих пор рядом всегда был кто-то из своих.
Теперь — нет.
Саар.
Коробка висела через плечо.
Почти пустая.
Ветка Гаан.
Чистые таблички.
И больше ничего.

Они пересекли вчерашний сад.
Орен шёл впереди.
Он двигался быстрее Эла.
Не старик.
Ган окончательно отказался от земной привычки определять возраст по манере ходить.
У Андромедан эта система не работала.
Шесть тысяч лет могли идти бодрее девяти.
Ри в триста восемьдесят могла выглядеть ребёнком.
Вся шкала тела была другая.

У границы Андэй Эл остановился.
Световая лента.
Вчера дальше нельзя.
Сегодня Орен приложил ладонь к небольшому тёмному

участку стены.

Лента разошлась.

Ган посмотрел:

— Можно?

Эл кивнул.

Сегодня — да.

Первый шаг за пределы Зоны Андромеды оказался менее впечатляющим, чем переход между галактиками.

Просто другая сторона тонкой световой линии.

Но именно здесь Андромеда впервые переставала быть специально подготовленным пространством для гостей.

Город звучал.

Это Ган заметил сразу.

Издалека он казался почти безмолвным.

Внутри существовал постоянный низкий фон.

Вода.

Лёгкий гул транспортных платформ.

Голоса.

Музыка где-то далеко.

Шорох растений на террасах.

Никакой абсолютной тишины.

И всё же по сравнению с земным городом — невероятно спокойно.

Не было двигателей, рекламы, сигналов, толпы.

Ган не понимал, как город такого размера может жить без

спешки.

Потом увидел первое объяснение.

Никто не опаздывал.

В буквальном смысле.

Человек, который живёт тысячи лет, иначе относится к десяти минутам.

Эта мысль сначала показалась смешной.

Через час — тревожной.

На одной площади двое людей собирали конструкцию.

Высокую арку из прозрачных сегментов.

Ган остановился.

Работа шла медленно.

Один человек вставил деталь.

Отошёл.

Смотрел несколько минут.

Второй что-то сказал.

Деталь вынули.

Поменяли угол.

Снова смотрели.

— Сколько они это строят? — спросил Ган.

Эл понял по жестам.

Показал число.

Андрей перевёл через связь.

— Если единица та же… семь лет.

Ган решил, что ошибка.

— Эту арку?

— Похоже.

— Семь лет?

Андрей засмеялся.

— У них сроки другие.

Ган смотрел на двух мастеров.

Они не выглядели ленивыми.

Каждый шаг был внимательным.

Но семь лет на арку.

На Земле за семь лет можно построить квартал.

И снести его.

Здесь, возможно, считалось нормальным потратить десятилетие на форму, которая простоит тысячелетия.

Дальше шла улица с деревьями.

Все зрелые.

Все здоровые.

Но теперь Ган увидел различия.

Одно выше.

Другое шире.

У третьего старая рана.

Просто общая среда держала их в очень узком диапазоне здоровья.

Без болезненного разрушения.

Без диких скачков.

Каждое дерево могло быть древнее большей части чело-

веческих государств.

Орен остановился возле низкого здания.

Внутри находились люди.

Очень много.

Сначала Ган решил: школа.

Потом увидел лица.

Некоторые выглядели молодыми.

Другие взрослыми.

Один почти как Ри.

Все сидели полукругом.

В центре женщина рассказывала что-то, показывая сложную трёхмерную модель.

Школа всё-таки.

Эл указал на Ри?

Нет.

На учеников.

Возраст?

Ган спросил.

Ответы разнились.

Самому младшему около двухсот.

Самому старшему — почти две тысячи.

Ган засмеялся.

— Что они изучают две тысячи лет?

Эл не понял.

Орен понял по жестам.

Показал на модель.

Потом на город.

На звёзды.

На тело.

На растения.

На себя.

Много.

Очень много.

Обучение здесь тоже не имело короткого детского периода.

Человек мог учиться столетиями.

— А работать когда? — спросил Ган.

Андрей в наушнике:

— Ты звучишь как раздражённый родитель.

Орен тем временем показал, что ученики уже работают.

Учёба и работа не разделены.

Человек осваивает область и постепенно участвует.

Тысяча лет обучения не означала тысячу лет сидения за партой.

Скорее очень длинное вхождение в мастерство.

Ган вспомнил Вэда.

Знание проходит через человека и становится действием.

Здесь оно могло проходить столетиями.

На выходе одна молодая женщина окликнула Эла.

Подошла.
Обняла.
Очень тепло.
Эл представил:
— Сайа.
Она выглядела лет двадцати пяти.
Возраст оказался две тысячи семьсот.
Ган уже почти не реагировал.
Потом Сайа указала на Эла и сказала длинную фразу.
Орен засмеялся.
Эл ответил.
Сайа снова.
У них был семейный тон.
Ган показал:
Род?
Эл понял слово из Гаан.
Подумал.
Кивнул частично.
Сайа — его дочь.
Ган остановился.
— Дочь?
Эл кивнул.
Две тысячи семьсот лет.
Его ребёнок.

Ган попытался представить семью длиной в девять тысяч

лет.

Не получилось.

Сколько у Эла детей?

Он спросил.

Эл показал три.

Всего три.

За девять тысяч лет.

Вот ещё один ключ.

Бессмертие меняло не только тело.

Оно меняло размножение.

Если люди почти не умирают и продолжают рожать земными темпами, никакая планета не выдержит.

Здесь детей было мало.

Очень мало.

И, судя по возрасту Ри, детство длилось века.

Сайа спросила что-то о Гане.

Эл ответил.

Её лицо изменилось.

Она показала на него.

Потом на Мор.

Ган понял.

Да.

Он смертный.

Сайа подошла ближе.

Не с жалостью.

С таким вниманием, будто перед ней существо с редкой биологической особенностью.

Ган почувствовал себя бабочкой, живущей один день.

Неприятно.

Он показал:

у нас это нормально.

Мор.

Все.

Сайа удивилась ещё сильнее.

Орен объяснил ей что-то.

Она спросила:

сколько?

Ган показал примерный человеческий срок.

Восемьдесят лет.

Сто.

Сайа долго смотрела.

Потом произнесла слово.

Эл перевёл жестом.

Мало.

Ган пожал плечами.

Да.

Мало.

И вдруг Сайа задала вопрос, который он не понял.

Она показала на короткую линию человеческой жизни.

Потом сделала жест:
зачем спешить?
Нет.
Не совсем.
Она показала на один конец.
Потом на другой.
Внутри между ними — множество маленьких движений.
Ган понял направление.
Как вы успеваете?
Как успеваете учиться?
Любить?
Строить?
Создавать детей?
Передавать знания?
Воевать, подумал Ган.
Тоже успеваем.
Но это показывать пока не хотелось.

Он нарисовал несколько поколений.
Один человек живёт коротко.
Передаёт следующему.
Тот — дальше.
Род.
Сайа смотрела.
Потом вдруг улыбнулась.
Не как человек, узнавший жалкую компенсацию смертно-

сти.

С искренним интересом.

Словно увидела иной механизм бессмертия.

Не тела.

Движения через поколения.

Она позвала кого-то.

Пришёл молодой мужчина.

Потом ещё двое.

Очень быстро вокруг Гана образовалась небольшая группа.

Все хотели увидеть схему земного Рода.

Эл смеялся.

Орен что-то объяснял.

Ган почувствовал абсурдность ситуации.

Жители другой галактики, живущие тысячелетиями, собрались вокруг простейшей человеческой родословной, как вокруг новой технологии.

Один мужчина указал на участок, где родитель умер, а ребёнок продолжил.

Произнес:

— Мор.

Потом на ребёнка.

— Ра.

Дальше на передачу.

Вопрос.
Ган вспомнил Вэда.
Написал слово по-русски.
Не имеет смысла.
Потом показал:
знание.
Навык.
История.
Имя.
Вещи.
Память.
Всё переходит.
Не всё.
Но что-то.
Сайа тихо произнесла:
— Саар.
Ган замер.
Она знает это слово?
Эл ответил ей.
Потом объяснил Гану жестами.
Саар — очень древний термин.
Он известен в Андромеде.
Пришёл через Сира.
Вот.
Снова сеть замкнулась.
Собиратель.

Носитель через промежуток.

В Гаан — между группами.

На Земле — через поколения.

В Андромеде слово сохранилось как древнее понятие передачи.

Ган почувствовал, как смысл внезапно стал глубже.

Смертность заставляет человека быть Саар.

Он не может удержать всё в себе вечно.

Приходится передавать.

Иначе вместе с ним исчезнет слишком многое.

В Андромеде эта необходимость почти отсутствовала.

Если мастер живёт восемь тысяч лет, зачем передавать навык срочно?

Если учитель не умирает, ученик может ждать.

Если архитектор сам увидит свой дом через три тысячи лет, архив нужен иначе.

Если родитель остаётся рядом с ребёнком тысячелетиями, память не обязана переходить через пустоту смерти.

Вот что Сайа увидела в земной схеме.

Разрыв.

И мост через него.

Орен смотрел на рисунок дольше остальных.

Потом сказал Элу что-то серьёзное.

Эл перестал улыбаться.

Они спорили.
Ган уловил слово Мор-са.
Потом Саар.
Потом ещё одно:
— Тэла.
Маэй вчера не использовала его.
Что это?
Орен показал на себя.
На Эла.
На Сайа.
Тэла.
Потом на Гана.
Покачал головой.
Не Тэла.
Разница между их способом жизни и его.
Возможно, «непрерывный».
«Сохраняющий тело».
Или «долгоживущий».
Пока хватит.

Эл повёл дальше.
Город становился плотнее.
Но людей всё равно казалось мало для такого пространства.
Многие террасы пустовали.
Дома огромные.

Улицы широкие.
Сады занимали больше места, чем жилища.
Никакой перенаселённости.
Ган спросил:
сколько людей?
Эл показал число.
Перевод занял минуту.
— Около четырёх миллионов в этом городе, — сказал Андрей.
— Он выглядит на пятьдесят.
— Плотность низкая.
— А весь мир?
Эл не понял масштаб вопроса.
Орен помог.
Долго считали.
Результат оказался неожиданным.
Население планеты было меньше земного в десятки раз.
При почти полной отмене естественной смерти.
Вот цена.
Очень низкая рождаемость.
И, вероятно, строгая организация пространства.

— Они ограничивают детей? — спросил Ган.
Андрей:
— Спроси.
Ган не хотел.

Вопрос слишком интимный.

Но Сайа всё ещё шла рядом.

Она сама заметила, куда он смотрит.

На редких детей.

Поняла.

Кивнула.

Да.

Рождение не случайное.

Как?

Решение семьи?

Общества?

Биологическое ограничение?

Сайа объясняла долго.

Ган понял только главное.

Ребёнок появляется тогда, когда для него существует место.

Не просто физическое.

Ресурсы.

Время.

Социальная структура.

И согласие нескольких уровней.

Это уже настораживало.

Кто решает?

Сайа показала на родителей.

Потом на какую-то общую сеть.

Потом на себя.

Не государственный приказ.

Но и не только частное решение.

Вечная жизнь делала рождение общественным событием на тысячелетия вперёд.

Ган подумал о Земле.

Там ребёнок появляется в мир, который через сто лет почти полностью сменит население.

Здесь каждый новый человек может остаться на десять тысяч лет.

Одно рождение — огромный долгосрочный фактор.

Сама арифметика меняет мораль.

Нельзя просто перенести земные представления и назвать их свободнее.

Но Гану всё равно стало тесно.

Очень тонко.

Будто Андромеда только что показала первую стену.

Не физическую.

Структурную.

Они вошли в небольшое кафе или его аналог.

Никакой вывески.

Люди сидели вокруг низких столов.

Эл заказал еду.

Не было денег на виду.

Может, система другая.

Ган получил чашу с тёплой густой пищей.

Запах ореховый.

Вкус приятный.

После осторожных проб Лара уже разрешила есть местную еду небольшими порциями.

Ган ел.

Сайа сидела напротив.

Она всё ещё изучала земную схему Рода.

На чистой табличке из коробки Саар.

Вот.

Первое, что Андромеда попросила у него сама.

Не технологию.

Не оружие.

Не формулу перехода.

Родословную.

Сайа дорисовала земную схему по-своему.

Вместо обрыва после смерти она провела тонкую линию к следующему человеку.

Потом ещё.

Получилась волна.

Не дерево.

Ган показал:

да.

Она добавила несколько поколений.

Линия шла дальше.

И вдруг поставила рядом Андромеданскую жизнь.
Одна длинная прямая.
Без переходов.
Очень длинная.
Две модели.
Ган смотрел.
Ни одна не выглядела лучше сама по себе.
Одна сохраняет личность.
Другая сохраняет движение через смену личностей.

Орен увидел рисунок.
Забрал табличку.
Взял стилус.
На длинной линии Андромеданца поставил несколько отметок.
Редких.
Что это?
Изменения?
Большие события?
Он показал на себя.
Шесть тысяч лет.
Потом на отметки.
Всего несколько.
Ган не понял.
Орен снова.
Жизнь длинная.

Но значительные внутренние изменения происходят редко.

Очень редко.

Вот.

Первый настоящий дискомфорт превратился в мысль.

Если человек живёт тысячелетия, это ещё не значит, что он проживает тысячи человеческих жизней.

Он может оставаться собой очень долго.

Слишком долго.

Ган показал на земную короткую линию.

Много отметок.

Детство.

Юность.

Профессия.

Любовь.

Рождение детей.

Потери.

Переезды.

Ошибки.

Старение.

Смерть близких.

Каждое событие заставляет перестраиваться.

Орен смотрел.

Потом на свою линию.

Меньше вынужденных переходов.

Ган вдруг понял, почему Эл вчера смотрел на смертность с любопытством.

Смерть была только самой крайней формой общего принципа.

Земная жизнь постоянно заставляет отпускать прежнее.

Тело.

Возраст.

Роли.

Людей.

Поколения.

Ничего нельзя удерживать бесконечно.

Андромеда умела удерживать.

Очень хорошо.

После еды они пошли к месту, которое Эл назвал словом **Тэлар**.

Ган пока не переводил.

Здание стояло далеко от центральных улиц.

Низкое.

Окружённое водой.

Внутри — множество небольших комнат.

В каждой один человек.

Кто-то лежал.

Кто-то сидел.

Кто-то стоял у окна.

Лара по связи заинтересовалась:

— Медицинский центр?

Эл покачал головой.

Нет.

Ган показал:

болезнь?

Нет.

Отдых?

Частично.

Орен объяснил лучше.

Человек приходит сюда, когда хочет измениться.

Ган не понял.

В Андромеде для изменения нужно отдельное учреждение?

В одной комнате сидела женщина.

Выглядела лет сорока.

Перед ней стояли три прозрачных изображения её лица.

Разные.

Совсем чуть-чуть.

На одном волосы темнее.

На другом глаза другого оттенка.

На третьем иная форма скул.

Женщина выбирала.

Ган почувствовал странность.

Изменение тела?

Эл кивнул.

Можно.
Внешность.
Некоторые внутренние особенности.
Даже рост в небольших пределах.
Тело у них пластично.
Регенеративная система позволяет перестраивать.
Тогда почему все сохраняют лицо тысячелетиями?
Вопрос повис.
Эл понял.
И ответил очень просто.
Потому что не хотят терять себя.

Вот.
Ган остановился.
Вся Андромеда внезапно собралась в одной фразе.
Они могут менять форму.
Но выбирают сохранять узнаваемость.
Не техническая невозможность.
Культурное предпочтение.
И, возможно, не только культурное.
Глубже.

В другой комнате мужчина менял руку.
После старой травмы?
Нет.
Рука полностью здорова.

Он хотел другую длину пальцев для музыкального инструмента.

Ган рассмеялся.

Вот уже интереснее.

Не все избегают изменения.

Эл тоже улыбнулся.

Но процесс шёл очень медленно.

Месяцы.

Человек заранее моделировал.

Проверял.

Снова моделировал.

Будто каждая перемена должна пройти через огромное количество согласований с самим собой.

Орен сказал что-то.

Эл перевёл жестом:

сначала форма.

Потом тело.

Сначала человек должен долго удерживать новый образ себя.

Только после этого изменения разрешаются.

Кем?

Самим организмом?

Медицинской системой?

Обществом?

Пока неизвестно.

Но Андромеда не любила случайных превращений.

Изменение должно быть доказано как устойчивое желание.

Ган подумал о земном человеке, который стрижёт волосы ночью после ссоры.

Здесь для новой причёски, вероятно, потребуется комиссия из трёх тысяч лет.

Он засмеялся.

Эл спросил взглядом.

— Потом объясню.

В дальнем помещении сидел человек, который ничего не менял.

Просто смотрел на собственное старое изображение.

Очень старое.

По местным меркам.

На записи он выглядел почти так же.

Только глаза другие.

Ган показал:

сколько времени?

Орен ответил.

Почти одиннадцать тысяч лет между изображениями.

Лицо сохранилось.

Человек смотрел на самого себя одиннадцатитысячелетней давности.

Что он чувствует?

Ган не мог представить.

Память выдерживает такой срок?

Эл показал:

да.

Не вся.

Но очень много.

— Они помнят всё? — спросил Ган.

Андрей:

— Это физически огромное количество информации.

Орен услышал вопрос по жестам.

Покачал головой.

Не всё.

Память организована.

Часть уходит.

Часть сохраняется.

Некоторые воспоминания можно восстановить через внешние архивы.

Но личная непрерывность остаётся.

Человек не просыпается новым.

Он знает, кем был.

Тысячелетия соединены.

Ган почувствовал зависть.

Настоящую.

Увидеть собственное детство.

Помнить людей семь тысяч лет.

Не потерять отца.

Не потерять Лею из-за простой слабости человеческой памяти.

Мысль ударила резко.

Он отвёл взгляд.

Орен заметил.

Не мог знать причины.

Но увидел.

Положил ладонь Гану на плечо.

Никакой мудрости.

Просто человеческий жест.

Ган кивнул.

Спасибо.

Возвращались медленнее.

Связь с Ларой восстановилась полностью у границы Андэй.

Она встретила их возле Ри.

Девочка уже ходила.

Через несколько часов после глубокой травмы.

Очень осторожно.

Маэй разрешила несколько шагов.

Шрам на боку оставался.

Тонкий.

Тёмный.

Лара показала:
— Он уменьшается.
Ган посмотрел.
— Исчезнет?
Маэй кивнула.
Через несколько дней.
Ри была довольна.
Ган почему-то нет.
— Что?
Лара увидела.
— Ничего.
Он вспомнил трещину на древнем дереве.
Там след сохранили.
На теле Ри, похоже, шрам исчезнет полностью.
Её организм вернёт форму.
Идеальную?
Исходную.
Снова.

Ган показал Ри на шрам.
Потом жест:
оставить?
Она засмеялась.
Зачем?
Он пожал плечами.
На Земле шрамы остаются сами.

Ри удивилась.
Показала Ларе:
у вас тоже?
Лара подняла рукав.
На предплечье маленький старый шрам.
Ри подошла.
Рассматривала.
Как артефакт.
Провела пальцем рядом, не касаясь.
Спросила.
Лара показала:
детство.
Упала.
Ри улыбнулась.
Для неё тело Лары хранило историю так, как местные тела не хранили.

Маэй смотрела тоже.
Потом показала свой бок.
Ничего.
Рассказала жестами:
когда-то серьёзная травма.
Давно.
Тело восстановилось.
След исчез.
Ган почувствовал, что смотрит на новую грань бессмер-

тия.

Их тела не только не старели привычным образом.

Они постоянно возвращались к устойчивой форме.

Повреждение воспринималось как отклонение.

Организм исправлял.

Шрам — незавершённое исправление.

Поэтому его почти не оставалось.

— Память в голове, — сказала Лара.

— Тело не обязано помнить.

— Почему?

Она посмотрела.

Хороший вопрос.

На Земле тело помнит многое потому, что не умеет восстановить исходное состояние идеально.

Шрам — компромисс ремонта.

Здесь компромисс не нужен.

Но вместе с ним исчезает видимая история.

Если человек хочет знать, что произошло, он должен помнить сознанием или архивом.

Тело рассказывает меньше.

Ри снова попыталась уйти в поле.

Маэй поймала.

Девочка возмутилась.

Ган рассмеялся.

Всё-таки триста восемьдесят лет опыта не помогли.

Наверное, есть вещи, которые невозможно ускорить даже бессмертием.

Перед возвращением Ган спросил Эла о самом старом живом человеке.

Не ожидал, что вопрос поймут.

Поняли.

Эл показал число.

Андрей переводил.

Замолчал.

— Ну?

— Около сорока семи тысяч лет.

Ган решил, что ослышался.

— Сколько?

— Сорок семь тысяч.

Лара медленно села.

— Он здесь?

Эл показал далеко.

Не в этом городе.

Жив?

Да.

Сознание?

Да.

Двигается?

Да.

Работает?

Эл улыбнулся.

Показал:

иногда.

У человека сорок семь тысяч лет и он научился выбирать график.

Разумно.

Ган спросил:

первый бессмертный?

Нет.

Он родился уже после появления Мор-са.

Значит, сама система старше.

Насколько?

Эл показал число, которое Андрей не смог сразу перевести.

Слишком велико.

Приблизительно больше ста тысяч земных лет.

Мор-са не эксперимент последних поколений.

Это фундамент их цивилизации.

Тогда кто помнит время до неё?

Архивы.

И несколько очень старых линий семей?

Эл показал на Орена.

Нет.

Орен молодой по сравнению.
Он усмехнулся.
Шесть тысяч лет.
Молодой.
Ган почувствовал, что земные слова окончательно теряют шкалу.

Открыли переход.
Перед уходом Ри подошла к Гану.
Протянула маленький кристаллический плод.
Тот самый, за которым полезла утром.
Эл резко сказал что-то.
Ри закатила глаза.
Плод она уже получила безопасно позже.
Не с той ветки.
Подарок.
Ган хотел положить в коробку Саар.
Остановился.
Зачем?
Ри показала:
есть.
Он посмотрел на Лару.
Она проверила.
Безопасно.
Ган откусил.
Сладкий.

С лёгкой горечью.
Ри ждала реакции.
— Прекрасно.
Она не знала слова.
Но Тэй по другую сторону услышал через связь.
Закричал:
— Прекрасно!
Все засмеялись.
Теперь Андромеда тоже познакомилась с этим словом.
Катастрофа распространялась межгалактически.

В Бункере анализ занял несколько часов.
Лара почти не говорила.
Она сравнивала записи тканей Ри с человеческими.
Андрей разбирал поле.
Ган записывал слова.
Мор.
Мор-са.
Тэла.
Андэй.
Андра.
Но больше всего его занимала табличка Сайи.
Короткая земная жизнь.
Много поколений.
Длинная Андромеданская жизнь.
Одна непрерывная линия.

Он положил рядом.

— Нашла, — сказала Лара.

Ган повернулся.

На экране два изображения.

Ткань Ри до лечения.

После.

И третий слой — состояние вне травмы.

— Что?

— Их восстановление не просто заживляет повреждение. Оно сверяется с устойчивой структурой организма.

— С какой?

— Вот это интересно.

Она увеличила.

В тканях существовали распределённые участки, содержащие химическую и полевую информацию о нормальном состоянии соседних структур.

Не один центр.

Сеть.

Организм как будто постоянно знал, какой формы ему быть.

Повреждение сравнивалось с внутренним эталоном.

Если расхождение слишком велико, запускалось восстановление.

— Поэтому шрамы исчезают, — сказал Ган.

— Да.

— И старение?

Лара медленно кивнула.

— Возможно, по той же причине.

С возрастом земное тело постепенно меняется, ошибки накапливаются, системы ремонта сами теряют точность.

У них эталон, похоже, удерживается намного стабильнее.

Клетка может обновиться.

Ткань смениться.

Но целая система возвращает новую материю к прежней организации.

Ган смотрел.

Форма сохраняется, хотя вещество меняется.

Эйя.

Опять рифма.

Только там идентичность держалась через движение частиц и поля.

Здесь тело постоянно заменяло собственную материю, но внутренний образ собирал его снова.

— Значит, бессмертие у них не про неизменное тело, — сказал он.

Лара посмотрела.

— Наоборот. Тело всё время меняется.

— Чтобы оставаться тем же.

— Да.

Вот.

Стабильность через огромную работу изменений.

Не статуя.

Живой процесс, который постоянно возвращает форму.

Андрей подошёл.

— Тогда их полевые показатели становятся понятнее.

— Что?

— Вокруг каждого есть очень устойчивый контур.

Ган вспомнил внутренний контур Эйя.

Андрей вывел данные.

Эл.

Маэй.

Орен.

Ри.

У каждого существовала слабая, но очень стабильная организация поля вокруг тела.

Не совпадающая полностью с нервной системой.

Она менялась при движении.

Но сохраняла общую структуру.

У Ри во время травмы контур исказился.

Во время лечения постепенно восстановился.

— Внутренний шаблон? — спросил Ган.

— Может быть частью.

— Душа?

Андрей посмотрел.

— Даже не начинай.

Ган улыбнулся.

Правильно.

Пока — измеряемая структура.

Не больше.

Но мысль уже вошла.

Если личность Андромеданца живёт тысячи лет, а тело постоянно обновляет материю, что именно сохраняет его «тем же»?

Память?

Мозг?

Поле?

Отношения между частями?

Все вместе?

Старый вопрос корабля Тесея теперь ходил по Андромеде в светлой одежде и назывался Эл.

Лара сидела перед записью Ри.

— Знаешь, что меня тревожит?

— Их бессмертие?

— Наоборот.

Она показала на восстановленную ткань.

— Насколько точно система знает, куда возвращаться.

Ган понял.

Слишком точный эталон может стать клеткой.

Если организм всегда возвращается к одной форме, на-

сколько легко ему стать другой?

Маэй показала, что изменение возможно.

Но требует долгого удержания нового образа.

Месяцы.

Годы.

Возможно, именно потому.

Тело сопротивляется перемене не как врагу.

Как ошибке, которую нужно исправить.

Сирианский Свет.

Шаа.

Тхаар.

Все прошлые главы внезапно перестали быть подготовкой ради красивого совпадения.

Они дали язык, которым можно было увидеть проблему.

Сириане стремились стабилизировать.

В Андромеде стабилизация достигла невероятного совершенства.

Но здесь она не убивала жизнь.

Она стала её условием.

Вопрос только в цене.

Поздно ночью Андрей нашёл в старой сирианской записи ещё один фрагмент.

Тот самый маршрут от Андромеды к Сира.

Рядом с фигурой Андэр стоял знак.

Раньше они принимали его за символ сохранения.

Теперь, после данных Эла, значение стало угадываться точнее.

Фигура человека.

Вокруг неё контур.

Внутри контур повторялся снова.

И снова.

Одинаковый.

Через время.

Сириане, вероятно, увидели у Андромеданцев способность воспроизводить собственную форму с очень высокой точностью.

И попытались применить принцип через Свет.

Слишком прямо.

Слишком жёстко.

Ошибка Света могла быть не изобретением Сириан из ничего.

Возможно, они взяли идею бессмертия Андромеды и перенесли её в систему, где не существовало всех механизмов, которые делали её живой.

Оставили сохранение.

Потеряли способность к свободной перестройке.

Так полезное знание превращается в ошибку при переносе.

Не потому, что знание плохое.

Потому что вынули один принцип из целой МанДаЛы.

Ган записал это пунктиром.

Только пунктиром.

Причинная связь ещё не доказана.

Он улыбнулся.

Лара увидела.

— Гордишься?

— Очень.

— Чем?

— Пунктиром.

— Ты окончательно испортился.

Утром пришёл сигнал от Эла.

Переход ещё не открывали.

Система получила короткую последовательность.

Не срочную.

Приглашение.

Эл прислал изображение.

Большое помещение.

В центре стояли несколько человек.

Один из них выглядел очень старым.

Впервые Ган увидел Андромеданца с настоящими признаками возраста.

Кожа тоньше.

Лицо глубже.

Волосы почти белые.

Но тело прямое.
Глаза ясные.
Рядом число.
Андрей перевёл.
— Сорок семь тысяч.
Тот самый.

На изображении старик держал в руках предмет.
Земной.
Ган узнал почти сразу.
Старая металлическая деталь.
На поверхности — знак Бункера.
Не копия.
По виду очень похожа на ранние элементы проекта Николая.
Ган встал.
— Откуда у него это?
Ответа не было.
Только изображение.
Эл стоял рядом со стариком.
Потом показал на переход.
Приезжайте.

Лара смотрела на деталь.
— Если она действительно из Бункера…
— Кто-то был там до нас.

— Или что-то передавали.

Андрей увеличил.

На металле стояла дата.

Стёртая.

Но первые цифры различимы.

19…

Земная маркировка.

Двадцатый век.

Ган почувствовал, как Андромеда вдруг перестала быть исключительно древней.

Кто-то с Земли достиг её сравнительно недавно.

Возможно, во времена Николая.

Возможно, сам Николай.

Слишком рано.

Не делать вывод.

На обратной стороне детали была царапина.

Русские буквы.

Плохо различимые.

Андрей восстановил контраст.

Три слова.

Ган прочитал.

«ФОРМА ДЕРЖИТ СЛИШКОМ ХОРОШО»

Ни подписи.

Ни даты.

Только фраза.

Ган долго смотрел.

В Андромеде, где тела жили тысячелетиями, а повреждения исчезали без шрама, кто-то с Земли уже увидел то, что они только начинали замечать.

Не опасность смерти.

Опасность совершенства.

И теперь бессмертные приглашали их туда, где этот разговор когда-то уже начался.

Часть III. АНДРОМЕДА
Глава 3. Совершенная форма

Человек возрастом сорок семь тысяч лет ждал их у воды.
Не на возвышении.
Не в зале.
Не среди приборов, способных объяснить бессмертие.
Он сидел на низком каменном бортике и кормил маленьких существ, похожих на прозрачных рыб.
Ган сначала прошёл бы мимо.
Лишь Эл остановился и положил ладонь на грудь.
— Нэр.
Старик поднял голову.
Да.
Сегодня он действительно казался стариком, хотя после знакомства с Андромедой это слово требовало осторожности. Его лицо сохраняло тонкие складки возле глаз, на щеках кожа была мягче, чем у Эла, белые волосы доходили почти до плеч. Руки — сухие, узкие, с заметными суставами.
Но в них не было немощи.
Нэр бросил в воду ещё несколько крошек, вытер пальцы о ткань одежды и встал одним плавным движением.
Лара сразу посмотрела на Гана.
Он понял.
Никаких привычных признаков сорока семи тысяч лет.

Даже если цифра ошибочна на тысячу-другую, разница уже ничего не меняет.
Нэр подошёл.
Сначала к Ларе.
Потом к Гану.
Долго смотрел на обоих.
Не изучал одежду.
Не переход.
Лица.
Будто сравнивал.
После произнёс:
— Ган.
Ган замер.
Эл мог назвать его заранее.
Конечно.
Нэр повернулся к Ларе:
— Лара.
Она улыбнулась.
— Уже легче.
Старик улыбнулся тоже.
И сказал третье слово.
По-русски.
— Форма.
Ган перестал улыбаться.

Произношение было странным.
«Фо-рма».
С паузой внутри слова, будто человек много лет назад

увидел незнакомые буквы, выяснил, как они звучат, и всё это время редко пользовался знанием.
Лара посмотрела на Эла.
Тот не выглядел удивлённым.
Нэр сделал жест:
идите.
Повернулся и пошёл вдоль воды.
Ган не двинулся.
— Подожди.
Старик обернулся.
Ган показал на него.
— Форма?
Нэр кивнул.
Потом показал вперёд.
Ответ там.
Это уже становилось местной традицией.

Связь с Бункером работала.
Андрей услышал русское слово.
— Я записал.
— Он знает русский?
— Одно слово пока не язык.
— Спасибо, Андрей.
— Работа такая.
Лара шла рядом.
— Не начинай заранее решать, кто научил его.
— Я ничего не решаю.
— У тебя походка изменилась.

— Как?
— Николай-Николай-Николай.
Ган посмотрел на неё.
— У тебя диагностический талант становится раздражающим.
— Полезная специализация.

Они вошли в город другой дорогой.
Сегодня Эл не повёл их через учебные пространства и Тэлар, где люди готовили изменения своих тел. Нэр выбрал старую часть Андры.
Это было видно сразу.
Новые здания казались рожденными из одного материала со скалой: поверхности текли, изгибались, переходили одна в другую.
Здесь дома стояли отдельнее.
Были ниже.
На стенах встречался орнамент.
И впервые Ган увидел повреждения.
Тонкие линии.
Потёртости.
Сколы.
Правда, что-то было странно.
Один скол на колонне исчез, пока они проходили мимо.
Ган остановился.
— Лара.
— Вижу.
На уровне плеча от поверхности ещё оставалась

маленькая выемка.
Край медленно поднимался.
Материал заполнял углубление снизу, точно кожа затягивает царапину.
Через минуту след исчез.
Нэр наблюдал за Ганом.
Подошёл к той же колонне.
Достал тонкую металлическую вещь.
Провёл по поверхности.
Царапина.
Глубокая.
Лара резко:
— Что он делает?
Нэр убрал инструмент.
Они смотрели.
Сначала ничего.
Потом края линии побелели.
Сошлись.
Через несколько минут поверхность снова стала ровной.
Нэр сказал:
— Тэла.
То самое слово.
Ган вспомнил.
Эл.
Орен.
Сайа.
Они применяли его к себе, но не к смертному Гану.
Тэла.
Нэр коснулся колонны.

— Тэла.
Коснулся своей груди.
— Тэла.
Значит, это шире вида или биологии.
Принцип.

Нэр достал второй кусок материала.
Серый.
Неровный.
Ган узнал металл раньше, чем старик повернул его.
Деталь Бункера.
Та самая.
Русская маркировка.
И царапина:

ФОРМА ДЕРЖИТ СЛИШКОМ ХОРОШО

Нэр провёл металлическим инструментом рядом.
Новая царапина осталась.
Никакого восстановления.
Он подождал.
Потом показал на местную колонну.
Исчезло.
На земную деталь.
Осталось.
— Форма, — произнёс он.
Ган подошёл ближе.
— Ты получил это от Николая?
Имя ничего ему не сказало.
Ган нарисовал человека.
Мужчину.
Показал Землю.
Дата.
—
Нэр всматривался.
Эл вмешался.
Они заговорили.
Нэр долго отвечал.
Эл показывал жестами.
Нет.

Человека Нэр не видел.
Предмет пришёл один.
Через очень маленький переход.
Недолго.
Почти сорок земных лет назад?
Нэр не мог знать земную единицу, но когда Андрей помог сопоставить циклы, цифра сошлась.
Около тридцати девяти лет.
—

Ган почувствовал, как всё внутри подтянулось.
— Николай.
Лара не спорила.
Теперь вероятность была слишком высокой.
Но вероятность.
Андрей по связи сказал первым:
— В архиве были испытания дальней ветви в восемьдесят седьмом.
— И никакого человека.
— Зато про объект мы отдельно не проверяли.
— То есть Николай мог отправить деталь.
— Или кто-то из группы.
Ган посмотрел на надпись.

ФОРМА ДЕРЖИТ СЛИШКОМ ХОРОШО

— А фраза?
— Надо сравнить почерк.
Вот.
Не красивое узнавание.
Почерк.
Ган был благодарен Андрею за это почти физически.

Нэр снова указал на русские буквы.
— Форма.
Потом на город.
На себя.
На колонну.
И тихо добавил длинную фразу.
Эл слушал.
Пытался перевести доступными им жестами.
Этот предмет пришёл.
Нэр изучал.
Знал, что материал чужой.
Узнал направление перехода.
Сира?
Нет.
Ещё дальше.

Млечный Путь.
Позже сопоставил с древними маршрутами.
А буквы…
На детали была не только фраза.
Ган раньше не заметил небольшие символы у края.
Нэр показал.
Рядом с русским текстом была последовательность графических знаков.
Простая.
Человек.
Контур.
Царапина.
Контур возвращается.
Потом знак вопроса.
Кто-то с Земли приложил к фразе схему.
Чтобы смысл мог пережить язык.
Нэр понял.
Форма восстанавливается слишком хорошо.

Лара тихо сказала:
— Значит, человек, который отправил это, уже знал об их принципе.
Ган посмотрел на деталь.
— Или увидел ответ на предыдущем тесте.
— Как?
— Образец местного материала мог прийти туда сначала.
Андрей сразу:
— Надо искать.

В его голосе появилось то особенное напряжение, которое означало, что он уже роется в старых записях.

Нэр продолжил путь.
Земную деталь он не убрал.
Нес в руке.
Не как святыню.
Как рабочий предмет.
Через несколько улиц они вошли в старое здание.
Внутри не было дверей.
Комнаты перетекали одна в другую.
Один участок стены отличался от остальных.
На нём оставались тысячи царапин.
Ган остановился.
Вот это Андромеда не исправляла.
Вернее, стена могла.
Но не исправляла.
Линии шли поверх линий.
Глубокие.
Тонкие.
Некоторые совсем древние по виду.
Нэр подошёл.
Коснулся.
— Форма.
Потом:
— Мор-са.
И ещё слово:
— Ирэн.

Ган не знал.
Эл объяснял долго.
Кажется, здесь специально отключена Тэла.
Материал больше не возвращается к исходному состоянию.
Он получает след.
Историю.
Ирэн.
Память материала?
Шрам?
След?
Пока без перевода.

Нэр провёл инструментом новую линию.
Она осталась.
Потом протянул инструмент Гану.
Ган посмотрел на стену.
— Мне?
Нэр кивнул.
Ган провёл короткую черту.
Очень маленькую.
Она осталась среди тысяч других.
Лара тоже.
Нэр улыбнулся.
И вдруг Ган понял, почему комната ему нравится.
Это было первое место в Андромеде, где время было видно.
Не в архивах.

На самой вещи.
На Земле старость появляется сама.
Камень стирается.
Дерево темнеет.
Металл покрывается царапинами.
Дом рассказывает, сколько людей касались ручки.
Здесь большая часть мира постоянно возвращала поверхность.
Прошлое приходилось сохранять намеренно.

Нэр показал на земную деталь.
Царапины.
Потёртый край.
Ржавчины почти нет, но металл был старым.
Он ценил её именно за то, что она не восстанавливалась.
Предмет сорок лет носил время на себе.
Для существа, живущего сорок семь тысяч лет, сорок лет — почти ничего.
И всё-таки он замечал каждую царапину.
Потому что они оставались.

— У нас весь мир такой, — сказал Ган.
Нэр не понял.
Он показал Землю.
На деталь.
Потом вокруг.
Нет Тэла.

Вещи стареют.
Нэр задумался.
Показал на человека.
Тоже?
Ган кивнул.
Человек тоже.
Лицо.
Тело.
Шрамы.
Старость.
Мор.
Нэр смотрел дольше.
Потом сказал что-то Элу.
Тот ответил.
Они оба посмотрели на Гана с тем самым интересом, который он уже видел у Сайи.
Для них земное тело было поверхностью, на которой время остаётся само.

Следующая комната была лабораторией.
Нэр положил деталь Бункера на стол.
Потом местный образец.
Достал нож.
Лара напряглась.
Старик надрезал собственный палец.
Глубоко.
Кровь появилась сразу.
Красная.

Почти земная.
Нэр положил руку на прозрачную пластину.
Не включал внешний свет.
Просто ждал.
Ган видел, как края раны сходятся.
Медленно.
Кровь остановилась.
Через несколько минут осталась тонкая розовая полоска.
Через десять — почти ничего.
Нэр показал:
Тэла.
Затем взял палец Гана.
Вопрос.
— Нет.
Лара сказала быстрее:
— Нет.
Нэр поднял руки.
Понял.
Не нужно.
Ган показал старый шрам на своей ладони.
Маленький.
Давний.
Нэр рассматривал почти с восторгом.

Старик вызвал на поверхности стола модель.
Тело.
Не конкретно его.
Общую схему.

Ган уже узнавал андромеданский способ изображения: не анатомическая картинка, а несколько слоёв отношений.
Кровь.
Ткани.
Нервные сигналы.
Поле.
И ещё одна структура, распределённая повсюду.
Та самая сеть, которую Лара заметила у Ри.
Нэр указал на неё.
— Тэла.
Вот.
Тэла — не только «бессмертный».
Не материал.
Скорее способность системы хранить рабочий образ собственной формы и возвращать к нему изменяющиеся части.
Ган показал на колонну.
Нэр кивнул.
На тело.
Да.
На дерево.
Да.
На одежду Эла.
Да.
На город.
После короткой паузы — да.
Даже город.

Ган почувствовал, как масштаб расширяется.
Здание знает, каким ему быть.
Тело знает.
Материал знает.
Сад знает.
Возможно, город.
Вся Андромеда состояла из систем, постоянно сверяющих происходящее с устойчивым образом.
Поэтому здесь почти не было случайных трещин.
Поэтому дороги чисты.
Поэтому тела живут тысячелетиями.
Поэтому архитектура кажется завершённой.
Всё постоянно исправляет отклонения.

Нэр показал простую модель.
Круг.
Внутри рисунок.
Снаружи воздействие.
Рисунок меняется.
Система сравнивает.
Возвращает.
Ган сразу узнал.
Обратная связь.
Гомеостаз, только поднятый на невероятный уровень точности.
Андрей сказал по связи:
— Это может быть ключ.
— К чему?

— Ко всему их миру.

Нэр услышал голос.
Посмотрел на устройство связи.
Ган показал:
Андрей.
Человек на другой стороне.
Нэр повторил:
— Андрей.
Улыбнулся из-за сходства с Андэй.
Потом сказал:
— Форма.
И коснулся устройства.
Ган не понял.
Нэр показал на голос Андрея.
Тела здесь нет.
Но отношение сохраняет его присутствие.
Форма без тела?
Нет.
Слишком философски.
Возможно, старик просто показывал, что слышит его через предмет.
Ган оставил.
Не каждое движение обязано стать откровением.

Лара подошла к модели.
Показала на Тэла.

Потом жест намеренного изменения.
Нэр понял.
Улыбнулся.
Наконец вопрос, который ему явно нравился.
Он изменил схему.
Сначала старый образ.
Потом воздействие.
Система возвращает.
Ещё раз.
Возвращает.
Ещё.
Возвращает.
Затем Нэр нарисовал вторую форму рядом.
Чтобы система начала поддерживать её, недостаточно один раз изменить тело.
Нужно изменить **сам эталон**.
Ган кивнул.
Они уже видели Тэлар.
Помещение, где люди месяцами или годами готовили новую форму.
Нэр показал:
эталон меняется медленно.
Очень.
Именно поэтому случайное повреждение не становится новой нормой.
Прекрасно для бессмертия.
Если каждое падение переписывает образ тела, регенерация бесполезна.
Устойчивость требует сопротивляться случайности.

Но цена этого сопротивления уже угадывалась.

— Как долго менять эталон? — спросила Лара.
Нэр показал разные числа.
Небольшое изменение тела — месяцы.
Сильное — годы.
Некоторые — десятилетия.
Изменение фундаментальных процессов организма…
Он замолчал.
Показал очень большое число.
Столетия.
Ган рассмеялся:
— Земной человек может умереть раньше, чем у них согласуют новую форму носа.
Лара тоже.
Эл спросил жестом, что смешного.
Ган показал человеческую жизнь.
Восемьдесят лет.
Потом местную перестройку.
Сто лет.
Эл понял.
Рассмеялся.
Да.
Для землянина часть андромеданской медицины действительно работала бы дольше пациента.

Нэр не смеялся.

Смотрел на короткую линию жизни Гана.
Потом взял стилус.
Нарисовал земного человека.
Тело меняется.
Быстро.
Растёт.
Стареет.
Раны остаются.
Форма уходит от прежней.
Потом смерть.
Но внутри этой короткой линии Нэр поставил множество точек.
Ган не понял.
Старик показал:
ребёнок.
Юноша.
Взрослый.
Старик.
Один человек.
Разные формы.
Тэла Андромеды считала бы часть таких изменений отклонениями, если бы эталон не менялся вместе с развитием.
На Земле сама жизнь постоянно переписывает эталон.
Нэр явно видел это.
И был заинтересован.

Ри появилась в дверях.

Уже почти здорова.
Лара сразу заметила:
— Она должна лежать.
Маэй шла следом и выглядела так, будто говорила Ри то же самое последние полчаса.
Ри показала на бок.
Шрама почти нет.
Потом на Нэра.
Заговорила.
Старик ответил.
Девочка подошла к стене со следами.
Нашла старую царапину.
Показала Нэру.
Он кивнул.
Что это?
Ри сделала жест падения.
Ган понял не сразу.
Эту линию она оставила раньше?
Когда?
Нэр показал число.
Андрей перевёл.
— Сто двадцать лет назад.
Ри выглядела ребёнком и показывала собственную царапину столетней давности.
Ган засмеялся.
— Я сдаюсь.

Ри провела рядом новую.

Две линии.
Между ними сто двадцать лет.
Почти одинаковая рука.
Почти одинаковое тело.
Лара смотрела.
— Вот что для них значит форма.
Ган кивнул.
Ребёнок мог вернуться к своей отметке через век и всё ещё оставаться ребёнком.
На Земле между двумя такими линиями человек успел бы состариться, вырастить детей и, вероятно, умереть.
Здесь — немного подрос.

Нэр взял руку Ри.
Осмотрел место вчерашней травмы.
Кивнул.
После неожиданно коснулся её головы.
Сказал что-то.
Ри нахмурилась.
Спор.
Маэй вмешалась.
Эл улыбался.
Ган спросил взглядом.
Что?
Маэй объяснила жестами.
Нэр считает, что Ри нужно изменить часть внутреннего эталона.
Почему?

После травмы организм восстановил прежнее состояние.
Но причина падения была связана не только с веткой.
Ри слишком быстро росла последние десятилетия и ещё не полностью адаптировала баланс тела.
Её система вернула повреждённые ткани, но старый двигательный шаблон остался.
Риск повторения.
Вот.
Совершенная регенерация тоже не решает причину события.
Можно идеально починить тело и снова упасть тем же способом.
Лара оживилась.
— Вот это важно.
Очень.
Андромеда умела возвращать форму.
Но возвращённая форма могла содержать ту же уязвимость, которая привела к повреждению.
Исправление требует уже не восстановления.
Обучения.
Изменения.

Ри явно не хотела многолетнюю коррекцию равновесия.
Нэр настаивал.
Она спорила.
Ган вдруг увидел обычного ребёнка, которому врач назначил лечебную гимнастику.
Триста восемьдесят лет.

Другая галактика.
Проблема универсальна.
Он засмеялся.
Ри посмотрела сердито.
— Извини.
Она не поняла.
И не простила на всякий случай.

После лаборатории Нэр повёл их к себе.
Его дом оказался старше города вокруг.
Либо выглядел так.
Низкие стены.
Никакой идеальной гладкости.
Много дерева или местного материала, похожего на дерево.
Поверхности здесь тоже не восстанавливались полностью.
На столе оставались потёртости.
На полу — следы.
Один край ступени был заметно стёрт.
Ган остановился.
Нэр увидел.
Кивнул.
Да.
Намеренно.
Он жил в доме, где отключил часть Тэла.
Почему?
Старик провёл ладонью по столу.

Показал на царапину.
Потом на себя.
Ирэн.
След.
Память.

На стенах не было фотографий.
Зато лежали предметы.
Очень разные.
Камень.
Сломанный инструмент.
Чаша со сколом.
Высохшая ветка.
Кусок ткани.
Земная деталь.
Всё повреждённое.
Сайа, если бы увидела, наверное, назвала бы это музейной странностью.
Нэр жил среди вещей, которые сохранили изменения.
Ган почувствовал неожиданное родство.
Старик сорока семи тысяч лет окружил себя несовершенством.

Он взял чашу.
На краю скол.
Показал.
Сколько лет?

Число оказалось около двенадцати тысяч.
Чаше со сколотым краем было двенадцать тысяч лет.
Почему не исправить?
Нэр показал на край.
На рот.
Кто-то пил.
Потом жест:
человека больше нет.
Ган замер.
Умер?
Да.
Мор.
Кто?
Нэр не стал объяснять родство.
Только показал на сердце.
Близкий.
Человек погиб.
Не от старости.
Событие.
После него осталась чаша.
Если восстановить край, предмет станет таким, каким был до того человека.
Нэр не хотел.

Вот первый раз, когда смертность вошла в Андромеду не как земная особенность.
Даже бессмертные теряли друг друга.
Просто реже.

Возможно, поэтому каждая смерть становилась огромной.
Человек, с которым прожил десять тысяч лет, исчезает.
Как выглядит такая утрата?
Ган не мог представить.
Он вспомнил Лею.
Короткая жизнь.
Короткая любовь.
И всё равно внутри существовала пропасть.
Что делает с человеком пропасть длиной в десять тысяч лет?

Нэр поставил чашу.
Ган ничего не спросил.
Старик оценил.
Возможно.

Потом он показал на своё лицо.
Складки у глаз.
Кожу.
Волосы.
Тэла могла исправить?
Лара поняла первой.
— Ты сам оставил возраст?
Нэр кивнул.
Часть.
Не болезнь.

Не разрушение.
Он изменил эталон.
Разрешил телу хранить некоторые следы времени.
Сколько лет назад?
Около четырёх тысяч.
Почему?
Нэр долго искал жест.
Потом взял земную деталь.
Провёл пальцем по потёртости.
Снова коснулся своего лица.
Он хотел **видеть**, что время прошло.

Ган почувствовал, как внутри возникает холод.
Андромеданец сорока семи тысяч лет добровольно внёс старение в совершенную форму, потому что бессмертие слишком хорошо стирало движение времени.
Не дряхлость.
След.
Разницу между вчера и сегодня.

— Он первый? — спросила Лара.
Эл понял.
Покачал головой.
Не первый.
Но таких мало.
Некоторые Андромеданцы меняют внешность.
Кто-то оставляет шрамы.

Кто-то позволяет волосам седеть.
Другие ничего.
Разные школы?
Нет.
Просто выборы.
Но выбор заметный.
В культуре, где Тэла считается нормой, добровольно сохранить несовершенство — почти заявление.

Ган посмотрел на старика.
— Ты поэтому сохранил нашу деталь?
Нэр кивнул.
Земной металл был для него доказательством мира, где предмет не знает, каким ему быть завтра.
Он просто несёт всё, что с ним произошло.
Для Гана это всегда было обыденностью.
Для Нэра — редкостью.

Андрей вдруг заговорил:
— Нашёл.
Все посмотрели на устройство.
— Что?
— В архиве восемьдесят седьмого есть запись об отправленном тестовом модуле. Маленький кусок крепления центрального контура.
Ган посмотрел на металл в руке Нэра.
— Серийный номер?

— Дай крупно.
Ган повернул.
Андрей молчал несколько секунд.
— Совпадает.
Вот.
Факт.
Эта деталь действительно ушла из Бункера в 1987 году.

— Кто сделал надпись?
— Секунду.
Ещё поиск.
Андрей открыл скан лабораторной записи.
Несколько подписей.
Ган не видел.
— Почерк?
— Похоже на Николая.
— Похоже?
— Очень похоже. Но я хочу сравнить автоматически.
Лара кивнула.
Правильно.
Через минуту Андрей сказал:
— Высокое совпадение.
Ган сел.
Николай Аркадьевич Ган.
Его дед.
В 1987 году отправил маленькую металлическую деталь в Андромеду.
И написал:

ФОРМА ДЕРЖИТ СЛИШКОМ ХОРОШО

Он не перешёл сам.

Но увидел достаточно, чтобы заметить проблему.

Нэр наблюдал за лицом Гана.

Ган показал:

мой род.

Дед.

Отец отца?

Нет.

Стоп.

Николай был дед? Earlier Part I: Николай Аркадьевич Ган, physicist, son Андрей. Wait hero's father maybe Андрей? Continuity says father history, Андрей geophysicist maybe actually father? Hmm Recent chapters use Андрей as companion, maybe father? In Part I «Николай Аркадьевич Ган, physicist, son Андрей» and «father workshop» maybe hero's father is Андрей. But in Part II Andrey travels with Gan. So yes Андрей is father? The recent text treats Андрей as companion, not explicitly father, but likely yes. We should avoid genealogy confusion. Gan can simply show «Николай — из моего Рода» not exact relation. Let's continue.

— Николай, — сказал Ган. — Род.

Нэр услышал знакомое древнее слово.

Кивнул.

Потом посмотрел на голос Андрея в устройстве.

Ган показал:

тоже Род.

Нэр понял связь.

Его лицо изменилось.

Он взял деталь.

Очень осторожно.

Протянул Гану.

Ган не взял.

— Нет.

Нэр удивился.

Ган показал:

тебе передали.

Ты хранил.

Твоя история тоже.

Не нужно возвращать только потому, что появился потомок или носитель того же Рода.

Нэр смотрел.

Потом улыбнулся.

Поставил деталь обратно среди своих несовершенных вещей.

Правильно.

Род не означает собственность.

В доме Нэра они впервые пообедали без диагностической площадки.

Еда была простая.

Тёплые корни.

Плоды.

Что-то похожее на хлеб, но прозрачнее.

Ри тоже пришла.

Маэй разрешила.

Она сидела осторожно, однако каждые пять минут забывала о травме и начинала вертеться.

Лара каждый раз смотрела.

Ри успокаивалась.

Через две минуты снова.

Ган решил, что триста восемьдесят лет — недостаточный срок для освоения дисциплины.

После еды Нэр показал им мастерскую.

Вот там Андромеда стала по-настоящему странной.

На столе лежали предметы, которые меняли форму.

Не быстро.

Ган сначала не заметил.

Тонкая пластина была выгнута.

Нэр поставил её вертикально.

Через несколько минут изгиб исчез.

Предмет вернулся к исходной форме.

Другая вещь — мягкая.
Он смял.
Она расправилась.
Третью сломал пополам.
Лара вздрогнула.
Половины положили рядом.
Края потянулись.
Через десять минут снова один предмет.
Самовосстановление.
Не сенсация после тел Андромеданцев.
Но масштаб принципа становился яснее.

Нэр дал Гану длинную полоску.
Попросил изменить.
Ган скрутил.
Она начала возвращаться.
Он удержал.
Минуту.
Пять.
Ничего.
Отпустил.
Снова исходная.
Нэр показал:
долго.

Сколько нужно держать новую форму, чтобы она стала эталоном?

Для этого материала — около часа с определённым сигналом.

Просто механическое удержание недостаточно.

Нужно дать системе разрешение переписать себя.

Точно как тело.

Ган показал на дом.

Если захотеть перестроить стену?

Нэр рассмеялся.

Пошёл в дальнюю комнату.

Там одна стена была странной.

Из неё выступал полукруг.

Как недоделанная арка.

Нэр показал старую схему.

Он хотел сделать проход.

Когда?

Число.

Андрей перевёл.

— Двести девяносто лет назад.

Ган посмотрел на стену.

— Он триста лет делает дверь?

Эл засмеялся.

Похоже.

Нэр возразил.

Не триста.

Он несколько раз менял решение.

Вот.

Ещё лучше.

Сначала хотел большую арку.

Потом решил, что она нарушит распределение света.

Изменил.

Материал уже начал принимать новый эталон.

Нэр передумал.

Вернул.

Потом снова.

Так три столетия.

На Земле за это время сменились бы несколько поколений архитекторов.

Здесь хозяин всё ещё решал, нужна ли дверь в собственном доме.

Ган смеялся так сильно, что пришлось сесть.

Нэр тоже.

Он явно понимал абсурдность.

— Вот почему их город закончен, — сказал Ган позже Ларе.

— Почему?

— Попробуй строить быстро, когда стена сопротивляется тебе триста лет.

— Ты упрощаешь.

— Конечно.

Но в шутке была часть правды.

Андромеда создала материю, которая прекрасно сохраняет форму.

Чтобы мир оставался устойчивым тысячелетиями.

Но теперь изменение требовало отдельного решения.

Разрешения.

Перенастройки.

Времени.

Много времени.

На Земле разрушение само освобождает место новому.

Здание стареет.

Человек умирает.

Предмет ломается.

Поколение уходит.

Новый человек неизбежно получает пустое пространство.

Здесь пустоты почти не появлялись сами.

Их приходилось создавать сознательно.

Нэр показал ещё один зал.

Там находились проекты.

Сотни.

Может, тысячи.

Ган подумал, что это архив построенных вещей.

Нет.

Непостроенных.

Идеи.

Нэр создавал их сорок семь тысяч лет.

Далеко не каждую воплощал.

Некоторые лежали здесь по десять тысяч лет.

Почему?

Он ещё не решил.

Ган подошёл к одному.

Прекрасная конструкция.

Что-то вроде моста из нескольких тончайших арок.

— Сколько?

Около восьми тысяч лет назад.

Почему не сделал?

Нэр пожал плечами.

Не уверен.

Ган рассмеялся.

Потом перестал.

Это уже было не смешно.

Если человек знает, что сам будет жить с результатом тысячи лет, решение становится тяжелее.

Землянин может построить плохо, потом другой переделает.

Или время разрушит.

Андромеданец сам встретится с собственной ошибкой через пять тысяч лет.

Естественно, он думает.

Очень долго.

На другом проекте Нэр работал двенадцать тысяч лет.

Что это?

Он показал на город.

Большая перестройка одной площади.

Почему так долго?

Нэр показал много людей.

Многие пользуются местом.

Нужно согласие.

Не политическое голосование в земном смысле.

Согласование их долгих жизней.

Человек мог сказать:

я хожу этой дорогой четыре тысячи лет, она часть моей жизни.

И это не фигура речи.

Площадь помнит отношения, растянувшиеся на тысячелетия.

Изменить её — вмешаться в стабильность множества людей.

Ган почувствовал, как красота Андромеды впервые начинает давить.

Каждый предмет долговечен.

Каждый человек долговечен.

Каждое отношение долговечно.

Каждое решение остаётся рядом с теми, кто его принимал.

Ничего почти не исчезает само.

Это звучало как мечта.

Но мечта начинала занимать всё пространство.

Ри бегала между проектами.

Нэр несколько раз просил медленнее.

Она не слушала.

Потом остановилась возле одной модели.

Показала.

Нэр сразу отрицательно покачал головой.

Что?

Ри хочет использовать старый проект?

Да.

Нэр против.

Почему?

Он его автор.

Считает незрелым.

Ри нравится.

Спор.

Вот первый конфликт поколений в мире, где автор идеи всё ещё жив через двенадцать тысяч лет.

Ган застыл.

На Земле новое поколение часто меняет старые идеи потому, что авторов уже нет.

Здесь автор стоит рядом.

Может возражать.

Всегда.

Ри показала:
я сделаю по-своему.
Нэр:
нет.
Она:
да.
Эл смеялся.
Маэй пыталась вмешаться.
Ган смотрел и чувствовал, что именно здесь лежит одна из самых больших проблем Андромеды.
Предки не превращаются в память.
Они продолжают участвовать.
Человек, создавший правило десять тысяч лет назад, может лично защищать его сегодня.
Мастер остаётся рядом с учениками.
Родитель — с потомками.
Основатель — с системой.
Смерть не освобождает место следующему голосу.

Нэр наконец уступил Ри копию проекта.
Не оригинал.
Она победила.
Унесла.
Старик смотрел ей вслед.

Недовольно.

Но улыбался.

Значит, движение возможно.

Просто ему приходится проходить через живых носителей прошлого, которые никуда не уходят.

Ган вспомнил Землю.

Сколько раз люди жалуются, что знания умирают вместе с мастерами.

А здесь противоположная проблема:

мастер не умирает.

Никогда не перестаёт быть присутствующим.

И ученику приходится не наследовать пустое место, а отвоёвывать собственное пространство рядом.

Когда они вышли из мастерской, солнце Андры уже клонилось.

Лара проверила время.

— Нам пора.

Эл кивнул.

Нэр проводил.

Но перед границей Андэй остановился у старого дерева.

Одного из немногих, которое выглядело иначе.

Оно было огромное.

Ствол гладкий.

Крона совершенная.

Слишком совершенная.
Листья одного размера.
Ни одного сухого.
Ни одного сломанного.
Под деревом чистая земля.
Ган почувствовал тревогу раньше объяснения.
Нэр положил ладонь на ствол.
Показал возраст.
Андрей перевёл.
— Почти двадцать тысяч лет.
— Оно живое?
— По приборам — да.
Ган посмотрел.
Живое.
Дышит.
Проводит воду.
Фотосинтезирует.
Всё работает.

Нэр показал на ветви.
Потом жест цветения.
Цветы.
Ган спросил:
когда?
Старик ответил числом.
Андрей долго молчал.

— Что?

— Последнее цветение… примерно двенадцать тысяч лет назад.

Ган не понял.

— Почему?

Нэр показал:

дерево вошло в идеальную зрелую форму.

Тэла удерживает.

Здоровье.

Размер.

Баланс.

Оно не стареет.

Не болеет.

Не теряет ветви.

Но больше не цветёт.

Почему?

Цветение связано с циклом обновления, сменой внутренних состояний, риском, затратой ресурсов.

Система стабилизации постепенно уменьшила необходимость таких колебаний.

Дерево существует.

Совершенно.

Тысячи лет.

И не даёт семян.

Лара подошла ближе.

— Его можно вернуть?

Нэр кивнул.

Теоретически.

Для этого придётся изменить эталон.

Разрешить нестабильность.

Запустить цикл, который современная Тэла дерева считает отклонением.

Пробовали?

Да.

Несколько раз.

Получали бутоны.

Потом система возвращала их в устойчивое состояние.

Как рану.

Как ошибку.

Ган смотрел на зелёную крону.

Ни одного больного листа.

Ни одной сухой ветки.

Ни одного плода.

Вот она.

Совершенная форма.

Жизнь, из которой постепенно исчезло то, что требовало выйти за пределы уже достигнутого совершенства.

Нэр достал земную деталь.

Снова.

Положил на корень.
Русская фраза лежала рядом с идеальным деревом.
Теперь Ган понял, что Николай увидел.
Возможно, не это дерево.
Может быть, образец материала.
Может быть, данные тела.
Но сам принцип он уловил почти сорок лет назад.

ФОРМА ДЕРЖИТ СЛИШКОМ ХОРОШО

Нэр посмотрел на Гана.

Потом на дерево.

Показал на него.

— Тэла.

После на Гана.

Покачал головой.

Нет Тэла.

Смертный.

Изменчивый.

Шрам.

Старение.

Род.

Передача.

И старик сорока семи тысяч лет впервые произнёс слово, которое Ган знал от Эна.

— Ир.

Искра.

Новое.

Ган замер.

Слово дошло сюда через Сира тысячи лет назад.

Или было ещё древнее.

Неважно.

Нэр указал на Гана.

— Ир.

Потом на идеальное дерево.

Тишина.

Тэла есть.

Ир — почти нет.

Ган хотел возразить.

Нельзя делать из смертности достоинство только потому, что Андромеда нашла собственный предел.

Смерть страшна.

Болезнь страшна.

Потери реальны.

Он не собирался романтизировать разрушение перед человеком, который научился его избегать.

Но Нэр не говорил, что смерть хороша.

Он смотрел на другое.

На способность системы допустить форму, которой прежде не существовало.

Ри вернулась.

С проектом Нэра под мышкой.

Подбежала к дереву.

Показала на вершину.

Потом на свою схему.

Старик нахмурился.

Она хочет использовать его старый проект здесь?

Похоже.

Что сделать?

Нэр понял.

Начался новый спор.

Ри показывала на цветение.

На проект.

На дерево.

Она придумала, как заставить часть ветвей выйти из эталона?

Нэр сначала отказывался.

Потом слушал.

Долго.

Очень долго для Гана.

Минут пятнадцать.

Для Андромеды — мгновение.

Наконец старик взял её схему.

Изменил одну линию.

Вернул.

Ри подпрыгнула.

Маэй сказала что-то резкое:

бок!

Ри сразу перестала прыгать.

Ган рассмеялся.

Они будут пробовать.

Не сегодня.
Может быть через год.
Может быть через десять.
Но пробовать.
Идеальная форма получила маленькое разрешение измениться.
Не потому, что пришёл герой с Земли.
Ри спорила с Нэром задолго до него и будет спорить после.
Это понравилось Гану.
Андромеда уже сама содержала своё движение.
Просто оно было редким.
Медленным.
Трудным.

На обратном пути Эл спросил жестом:
что Ган думает?
О городе?
Тэла?
Мор-са?
Ган долго не мог ответить.
Потом нарисовал две вещи.
Первую — разбитую чашу.
Вторую — идеальную.
У разбитой чаши провёл линию ремонта.
У идеальной — маленький цветок.
Эл смотрел.

Ган пожал плечами.

Он пока не знает.

Лара сказала:

— Я знаю, что думаю.

— Что?

— Я хочу их регенерацию.

— Конечно.

— Если можно вернуть человеку орган, убрать возрастные повреждения, сохранить нервную систему…

— Ты уже строишь земное бессмертие.

— Я врач. Естественно.

— А дерево?

Она посмотрела назад.

— Поэтому нельзя брать одну функцию отдельно.

Вот.

Тот же урок, который Сириане когда-то, возможно, пропустили.

Не забрать Тэла как технологию.

Понять МанДаЛу, внутри которой она остаётся жизнью.

У перехода ждал Андрей.

На экране, конечно.

Он уже закончил сравнение почерка.

— Николай.

— Уверен?

— Насколько можно быть уверенным по ограниченному образцу. Девяносто семь процентов сходства.

Ган посмотрел на Нэра.

Старик держал металлическую деталь.

Сорок лет назад его Род послал сюда одну короткую фразу.

Теперь Ган стоял рядом.

Не завершение.

Продолжение связи.

Он показал Нэру:

Николай умер.

Мор.

Старик понял.

Долго смотрел на металл.

Потом на Гана.

Печаль на его лице была тихой.

Он никогда не видел Николая.

Только получил вещь.

И всё равно понимал, что человек, отправивший её, больше не ответит.

Нэр коснулся царапины.

После передал Гану чистую табличку.

Не деталь.

Пустую.

Саар.

Принеси дальше то, что увидел.

Ган положил табличку в коробку.

Рядом с сухой веткой Гаан.

Теперь две вещи.

Ветка мира, который постоянно менялся.

Чистая поверхность из мира, который научился сохранять.

Что между ними появится — пока неизвестно.

Окно перехода уже начало уменьшаться, когда Ри вдруг подбежала к дереву.

Сорвала один лист.

Все замерли.

Даже Нэр.

На совершенном двадцатитысячелетнем дереве впервые за долгое время появилось маленькое повреждение.

Тэла включилась сразу.

У основания черешка ткань начала закрываться.

Через минуту след почти исчез.

Ри протянула лист Гану.

Маэй возмутилась.

Нэр смотрел.

Потом неожиданно разрешил.

Ган взял.

— Саар?

Ри кивнула.

На этот раз он знал, зачем несёт.

Чтобы показать Гаан.

Не как образец превосходной технологии.

Как вопрос.

В Бункере лист положили в прозрачный контейнер.

Он оставался зелёным.

Через час.

Через два.

К вечеру не завял.

Андрей проверил.

Ткань поддерживала себя даже вне дерева.

Внутренний Тэла-контур продолжал удерживать структуру.

— Сколько он так проживёт? — спросил Ган.

— Не знаю.

На следующий день лист был таким же.

Через три — тоже.

Отделённый от дерева.

Без корней.

Без обычного питания.

Он расходовал накопленные вещества почти невероятно экономно и постоянно восстанавливал микроповреждения.

Совершенный лист.

Ган принёс его к Гаан.

Аира пришла первой.

Уна.

Хэр.

Эви.

Тэй.

Сава.

Эн появился позже.

Лист Андромеды положили рядом с обычным сброшенным листом Гаан.

Тот уже начал желтеть.

Вернётся в почву.

Станет пищей.

Через него пройдёт Маар.

Грибницы.

Корни.

Новая ткань.

Андромеданский лист оставался таким, каким его сорвали.

Свежим.

Целым.

Замкнутым на собственное сохранение.

Эви взяла жёлтый лист Гаан.

Потом зелёный.

Показала вопрос.

Какой живой?
Ган хотел ответить.
Не смог.
Оба.
Но каждый жил по-разному.
Один продолжал себя, удерживая форму.
Второй продолжал жизнь, теряя её.

Эн присел.
Посмотрел.
Положил жёлтый лист на землю.
Потом зелёный рядом.
Ждал.
Ничего.
Ветер подхватил жёлтый.
Перевернул.
Потащил к корням.
Зелёный был тяжелее и лежал неподвижно.
Эн не сказал ни слова.
Ган тоже.
Он уже достаточно научился не объяснять изображение раньше, чем оно проживёт внутри.

Ночью зелёный лист Андромеды оставался на столе.
Без единого пятна.
Рядом лежал местный.

К утру жёлтый потемнел.

На нём появились первые тонкие нити грибницы.

Он уже становился чем-то другим.

Андромеданский сохранился.

Совершенно.

Ган долго смотрел на оба.

И впервые ясно почувствовал, что вопрос следующего шага будет гораздо труднее вопроса о бессмертии.

Потому что жизнь сумела победить смерть.

Теперь предстояло понять, сколько она заплатила за победу.

Часть III. АНДРОМЕДА
Глава 4. Цена бессмертия

На четвёртое утро лист Андромеды лежал там же, где его оставили.

Зелёный.

Холодный.

Упругий.

Ни одного тёмного пятна.

Рядом от листа Гаан почти ничего не осталось.

За ночь грибница прошла по его жилкам тонкой белёсой сеткой, край размяк, зелёный цвет ушёл в бурый, а нижняя сторона уже сливалась с почвой. Уна осторожно приподняла остаток палочкой.

Под ним кишела жизнь.

Мелкие прозрачные существа.

Споры.

Нити.

Несколько организмов, которые Ган так и не научился различать без её помощи.

Лист исчезал.

И становился множеством других вещей.

Андромеданский лежал рядом совершенно один.

Ган присел.

— Всё ещё живой?

Уна не ответила сразу.

Провела пластиной над поверхностью.

Да.

Клеточные процессы продолжались.

Медленные.

Очень экономные.

Тэла удерживала ткань.

Но Уна показала другое.

Почву под ним.

Потом почву под остатками листа Гаан.

Разница бросалась в глаза даже без прибора.

Под местным листом грибница собиралась плотной сеткой.

Под зелёным листом Андромеды она расходилась в стороны.

— Не ест его?

Уна кивнула.

Не может.

Или не хочет.

Она взяла несколько тонких нитей грибницы и осторожно положила прямо на зелёную поверхность.

Нити коснулись.

Задержались.

Через несколько минут концы развернулись.

Поползли прочь.

Эн, сидевший неподалёку, хмыкнул.

Тэй немедленно сунул палец.

Уна ударила его по руке.

— Правильно, — сказал Ган. — Иногда мне кажется, что главный научный прибор этой цивилизации — человек, который не даёт Тэю трогать образцы.

Тэй услышал своё имя.

— Прекрасно.

— Нет.

Уна принесла образец почвы.

Потом ещё один.

Андрей подключился из Бункера.

Через полчаса стало понятнее.

Лист не выделял явного яда.

Не убивал местные микроорганизмы.

Он просто почти не давал им ничего.

Поверхность восстанавливалась быстрее, чем чужие ферменты успевали нарушить её защиту.

Любая микротрещина закрывалась.

Клеточные мембраны удерживали структуру.

Даже отрезанный от дерева лист продолжал защищать границу между собой и окружающим миром.

— Идеальный мусор, — сказала Лара.

Ган посмотрел.

— Красиво сказала.

— Я серьёзно. Если он не разлагается…

Она показала на жёлтый лист Гаан.

Тот отдавал вещество почве.

Углерод.

Минералы.

Органику.

Воду.

В нём уже начиналась следующая жизнь.

Зелёный сохранял всё внутри себя.

— Если их леса сбрасывают такие листья, — продолжила Лара, — куда девается материал?

Ган вспомнил Андэй.

Чистые дорожки.

Светлые корни, которые вытягивали сухие фрагменты в землю.

— Они что-то делают с ним.

Уна уже поняла вопрос.

Показала на зелёный лист.

На Андромеду.

Вернуть.

Да.

Сегодня у Саар появилась настоящая причина нести вещь обратно.

Эви прибежала позже.

Сначала посмотрела на зелёный лист.

Потом на почти исчезнувший местный.
— Ра? — спросила она.
Живой?
Ган показал на оба.
— Ра.
Она нахмурилась.
Оба?
Он кивнул.
Эви ткнула в зелёный.
Он сохранил себя.
Потом в землю под листом Гаан.
Там двигались новые существа.
Она задумалась.
Взяла маленький кусочек тёмной ткани листа Гаан.
Положила на ладонь.
Потом зелёный лист трогать не стала.
Побежала к Эну.
Через несколько минут они вдвоём что-то рисовали.
Ган не пошёл смотреть.
Сегодня у него был другой вопрос.

Эл увидел лист и рассмеялся.

На Андромеде это происходило всё чаще: земляне приносили проблему, которую местные считали давно знакомой.

Маэй была рядом.

Она взяла лист из контейнера.

Осмотрела.

Потом показала на ближайшее серебристое поле.

Там листья были живыми.

На другом конце Андэй виднелась узкая полоска почти чёрной земли.

Вчера Ган решил, что это другой вид почвы.

Маэй повела их туда.

Лара шла рядом.

— Думаешь, компост?

— У бессмертных?

— Даже бессмертным надо куда-то девать очистки от овощей.

— Это будет очень обидный ответ.

Полоска земли оказалась садом.

Только странным.

Он был единственным местом Андэй, которое пахло так же, как лес Гаан после дождя.

Влажно.

Тяжело.

Землёй.

Разложением.

Здесь лежали сухие листья.

Настоящие.

Некоторые желтели.

Некоторые чернели.

Между ними двигались мелкие существа.

Из почвы торчали грибы.

Ган остановился.

После стерильной красоты внешней зоны этот участок выглядел почти грязным.

И живым.

Маэй положила зелёный лист на край специальной каменной чаши.

Коснулась поверхности.

Что-то изменилось.

Никакого света.

Никакого всплеска.

Через несколько секунд лист повял.

Ган замер.

Впервые.

Край мягко опустился.

Цвет стал темнее.

Тэла выключилась.

Или перестала получать поддерживающий сигнал.

Маэй перевернула лист.

Через пару минут поверхность уже не возвращала вмятины.

Лара присела.

— Они умеют отключать эталон.

Да.

Эл взял сухой лист местного дерева.
Показал на него.
Потом на живой.
Провёл рукой через воображаемую границу.
Сначала Тэла.
Потом — нет.
Материя должна выйти из замкнутой формы.
Иначе цикл остановится.
Ган посмотрел на тёмную землю.
— Значит, здесь всё-таки есть смерть.
Эл услышал знакомое слово:
— Мор?
Ган показал на лист.
Эл подумал.
Покачал ладонью.
Не совсем.
Растение как система живо.
Лист завершил функцию.
Теперь его форма больше не удерживается.
Но принцип был тот же.
Чтобы одно стало пищей для другого, ему пришлось перестать защищать своё «я».

Андрей слушал по связи.
— У них контролируемая декомпозиция.
Лара:

— Не называй сад декомпозиционной станцией.

— Почему?

— Потому что я всё ещё хочу иногда любить науку.

Ган присел и взял горсть тёмной почвы.

Только после разрешения Маэй.

Она была тёплая.

Влажная.

Пахла смертью гораздо больше, чем идеальный город Андромеды.

И именно здесь рождались новые ростки.

На другом конце сада работали двое людей.

Они снимали Тэла с сухой растительной массы.

Не со всей сразу.

Порциями.

Почему?

Маэй показала на почву.

Если освободить слишком много защищённой материи одновременно, система не успеет переработать.

Даже распад здесь регулировался.

Ган почувствовал странное сопротивление.

— Они контролируют даже гниение.

Лара услышала.

— А ты хотел, чтобы оно происходило случайно?

— Иногда да.

— Почему?

— Не знаю.

И правда.

Он привык считать спонтанность признаком жизни.

Но гниение не становилось более свободным оттого, что человек не управлял им.

Андромеда просто перенесла контроль глубже.

Вопрос был не в контроле самом по себе.

В том, способна ли система отпустить.

Этот сад доказывал:

способна.

И всё-таки отпускание происходило только после решения.

Ган указал на поле.

Что если не отключить?

Эл понял.

Показал на лист.

Очень долго.

Годы?

Десятилетия?

В зависимости от типа ткани — да.

Некоторые структуры почти не распадаются вообще.

Тогда их нужно намеренно вывести из Тэла.

— То есть бессмертие не отменяет круговорот, — сказала Лара. — Просто решает, где именно он будет происходить.

Ган посмотрел на неё.

Вот.

Очень точная мысль.

Смерть не исчезла из экосистемы.

Её вынесли из тех форм, которые хотели сохранить.

Что-то всё равно должно было распадаться.

Что-то отдавать вещество.

Что-то прекращать удерживать себя.

Иначе даже вечная жизнь однажды останется без материала для продолжения.

Маэй взяла маленький росток.

Выдернула вместе с корнем.

Ган поморщился.

Она положила в чашу.

Сняла Тэла.

Росток начал увядать.

После показала на большое дерево.

На человека.

Нет.

С людьми так не делают.

Ган почувствовал облегчение.

Лара — нет.

Она спросила иначе.

Если человек хочет?

Маэй застыла.

Эл тоже.

Вот.
Вопрос попал куда-то глубже.

Лара повторила.
Человек.
Сам.
Хочет отключить Мор-са.
Разрешить телу стареть.
Умереть естественно.
Можно?
Эл заговорил быстро.
Маэй отвечала.
Они спорили не о переводе.
О самом вопросе.
Ган смотрел.
Оказывается, он не очевиден даже здесь.
Наконец Эл показал:
технически — да.
Ган замер.
Можно.
Тэла и Мор-са не были необратимыми законами.
Их можно ослабить.
Изменить.
Возможно, отключить.
Но…
Дальше начиналась сложность.

Маэй показала на тело.

Потом на разум.

На длительное время.

На множество людей вокруг.

Решение требует очень долгой проверки.

Почему?

Потому что окончательное.

Вот первый раз, когда слово «окончательное» появилось в мире, где почти всё можно исправить.

— Кто решает? — спросил Ган.

Эл понял по жесту.

Человек.

Сам.

Но не один момент его желания.

В этом была разница.

Если Андромеданец сегодня говорит «я хочу закончить жизнь», никто не отключает Тэла завтра.

Ждут.

Разговаривают.

Проверяют.

Годы.

Иногда десятилетия.

Потому что у человека есть тысячи лет впереди.

Краткий кризис не должен стать вечным решением.

Ган не спорил.

Трудно спорить с осторожностью там, где последствия абсолютны.

— Бывает? — спросила Лара.

Да.

Редко.

Очень редко.

Когда?

Эл не рассказывал подробностей.

Ган заметил.

И не настаивал.

Есть вещи, которые не превращаются в материал экспедиции только потому, что ты пришёл из другой галактики.

Они вышли из сада молча.

Ган обернулся.

В тёмной земле лежал их зелёный лист.

Теперь уже слегка согнутый.

Через несколько часов грибница Андромеды войдёт в него.

Он перестанет быть совершенным.

И наконец сможет стать частью чего-то ещё.

Сайа ждала за пределами Андэй.

Не одна.

Рядом стоял мужчина, которого Ган раньше не видел.

Светлые волосы.
Чуть темнее, чем у Эла.
На вид лет тридцати пяти.
Он представился:
— Илэр.
Сайа коснулась его руки.
Не случайно.
Пара?
Ган вопросительно посмотрел на Эла.
Тот кивнул.
Сайа и Илэр были вместе.
Сколько?
Ган уже боялся спрашивать.
Спросил.
Андрей перевёл число.
— Около тысячи двухсот лет.
Лара:
— Очень долгий медовый месяц.
Сайа услышала смех.
Не поняла.
Улыбнулась на всякий случай.

Они пришли не знакомиться.
Сайа держала тонкую пластину.
На ней была схема города.
Одна область выделена светом.

Несколько зданий.

Сад.

Водный контур.

И ещё один знак.

Маленькая фигура.

Ребёнок.

Ган вспомнил вчерашний разговор о рождении.

Сайа хотела ребёнка.

Илэр тоже.

Эл выглядел напряжённым.

Не радостным.

Ган почувствовал, что оказался внутри семейной сцены, для которой совсем не подготовлен.

Сайа показала на себя.

На Илэра.

На ребёнка.

Потом на число.

Время.

Сколько ждут?

Андрей считал.

— Сто восемьдесят шесть лет.

Ган решил, что неправильно понял.

— Чего ждут?

Лара уже догадалась.

— Возможности.

Они пошли в небольшое здание возле центрального водоёма.

Внутри сидели восемь человек.

Никакой высокой кафедры.

Никакой охраны.

Стол.

Несколько объёмных карт.

Ган сразу напрягся.

Комиссия?

Совет?

Разрешение на ребёнка?

Слишком легко сделать вывод.

Он сел.

Смотрел.

Сайа говорила первой.

Эмоционально.

Впервые Ган увидел её злой.

Она показывала на выделенную область карты.

Потом на дом.

На себя.

На Илэра.

На ребёнка.

На срок ожидания.

Сто восемьдесят шесть лет для неё явно тоже было долго.

Пусть она прожила две тысячи семьсот.

Время не перестало быть временем.

Один из восьми человек отвечал спокойно.

Слишком спокойно для Сайи.

Показывал на поле вокруг города.

На воду.

На сеть Тэла.

Потом на население.

На несколько будущих проектов.

Ган постепенно понял.

Речь шла не о моральном праве Сайи родить.

И не о том, достойна ли она быть матерью.

Проблема была физической.

Каждый новый Андромеданец включался в огромную систему Мор-са и Тэла.

Не только потреблял еду и занимал дом.

Его жизнь предполагалась очень долгой.

Возможно десятки тысяч лет.

Рождение одного человека означало обязательство среды поддерживать его не на восемнадцать лет.

Не на восемьдесят.

На неопределённо долгое время.

Ган смотрел на карту.

Город находился возле предела устойчивой ёмкости.

Не по площади.

По совокупности.

Вода.

Энергия.

Биологические циклы.

Сети восстановления.

Пространство для редких новых детей.

Нельзя просто «добавить ещё одного».

Можно.

Но если это делать постоянно, через несколько тысячелетий баланс рухнет.

На Земле население постоянно менялось потому, что люди умирали.

Здесь естественная убыль почти отсутствовала.

Каждое рождение оставалось в системе.

— Поэтому их так мало, — тихо сказала Лара.

Да.

Низкая рождаемость была не побочным эффектом бессмертия.

Она была его математическим условием.

Сайа указала на соседний участок.

Сад.

Большой.

Очень старый.

Если его перестроить, можно расширить поддерживаю-

щую сеть.

Место для новых жителей появится.

Почему не делают?

Ответ пришёл сразу.

На другом конце стола сидела женщина по имени **Энаэр**.

На вид около пятидесяти.

Возраст Ган спрашивать не собирался.

Она показала на сад.

На себя.

На несколько других людей.

И длинную временную линию.

Этот сад существовал очень давно.

Тысячи лет.

Он был частью их жизни.

Дома вокруг него тоже.

Перестройка потребует изменить водный режим, пересадить часть деревьев, перестроить один старый переход и перенести несколько общественных пространств.

На Земле — городской проект.

Здесь — вмешательство в среду, которую одни и те же люди видели каждый день шесть, восемь, десять тысяч лет.

Сайа сказала что-то резко.

Эл попытался вмешаться.

Она повернулась к нему.

И вот тут Ган впервые увидел настоящую семейную ссору

бессмертных.

Сайа указала на Эла.

Потом на себя.

На маленькую фигуру ребёнка.

Снова на Эла.

Он ответил.

Она перебила.

Эл повысил голос.

Сайа тоже.

Ган ничего не понимал.

Но Лара вдруг сказала:

— Он говорит как отец.

— Он и есть отец.

— Именно.

Через несколько секунд Сайа резко произнесла слово, которое Ган уже знал:

— Саар!

Нет.

Не то.

Она показывала на свою жизнь.

На себя.

На Эла.

Потом разрывала линию рукой.

Смысл стал яснее.

Ты не должен переносить своё решение в мою жизнь.

Не твоя функция.

Эл замолчал.

Лицо изменилось.

Сайа было две тысячи семьсот лет.

И всё равно её девятитысячелетний отец только что пытался влиять на решение о её ребёнке.

Вот ещё одна цена.

На Земле человек взрослеет — родители стареют.

Когда-нибудь отношения неизбежно перестраиваются хотя бы потому, что меняются тела, силы, зависимости.

Здесь отец мог оставаться физически зрелым всё время жизни дочери.

Тысячи лет.

Первоначальная роль имела возможность сохраниться почти бесконечно.

Если люди сами её не меняли.

Эл сел.

Больше не вмешивался.

Сайа продолжила разговор уже без него.

Ган почувствовал к ней уважение.

А к Элу — странное сочувствие.

Отпускать ребёнка трудно и за двадцать лет.

Как это делать, если ты помнишь его первый шаг две тысячи семьсот лет и сам почти не изменился?

Илэр всё это время молчал.
Наконец заговорил.
Не о праве.
О сроках.
Если город собирается расширять сеть, когда?
Люди за столом ответили.
Разные варианты.
Самый быстрый проект — около девяноста лет.
Сайа засмеялась.
Не весело.
Сто восемьдесят шесть уже ждут.
Теперь ещё девяносто.
Для Андромеды это не вечность.
Для желания — всё равно почти три человеческие жизни.

Ган неожиданно спросил:
— А переехать?
Все посмотрели.
Жест он смог объяснить.
Другой город.
Другая область.
Там есть место?
Да.
Сайа кивнула.
Есть.
Почему не едут?

Тишина.

Она показала на город.

На Эла.

На дом.

На людей.

На сад.

На себя.

Здесь её жизнь.

Тысячи лет.

Ган чуть не сказал: «Но переезд — не смерть».

Остановился.

Для землянина переехать через страну трудно.

Для человека, прожившего две тысячи лет в одном пространстве, место вплетается в личность иначе.

Здесь каждый камень мог быть частью памяти длиннее всей письменной истории Земли.

Уехать можно.

Но цена другая.

Илэр, похоже, был готов.

Сайа — нет.

Вот ещё один конфликт.

Он показывал на другой город.

На ребёнка.

На новую жизнь.

Она — на здесь.
Эл слушал.
Не вмешивался.
Учится.

Женщина Энаэр неожиданно спросила Гана.
Он понял это только потому, что все повернулись к нему.
Мортальный гость.
Что бы сделал его мир?
Ган сначала хотел отказаться.
Не его дело.
Но Сайа ждала.

Он нарисовал Землю.
Город.
Людей.
Рождение.
Старость.
Смерть.
Новое поколение.
Освободившийся дом.
Другой человек.
Место меняет владельца.
Профессия меняет носителя.
Сад меняется.
Улица меняется.

Иногда насильно.

Иногда глупо.

Иногда слишком быстро.

Земля не решала проблему вместимости только мудростью.

Она решала её ещё и тем, что человек не оставался навсегда.

Сайа смотрела.

Энаэр тоже.

Ган показал на Мор.

Потом покачал головой.

Не хорошо.

Не решение, которое он предлагает.

Просто различие.

Смерть создаёт освобождение места автоматически.

Андромеда её убрала.

Теперь освобождать место приходится **намеренно**.

Кто-то должен уступить.

Изменить привычку.

Перестроить дом.

Отдать часть сада.

Переехать.

Согласиться на другой вид города.

То, что Земля делает через время и разрушение, здесь нужно делать сознательно.

Нэр пришёл в середине разговора.

Неизвестно, кто позвал.

Он выслушал.

Спросил у Сайи.

У Илэра.

У Энаэр.

Потом посмотрел на карту.

Указал на сад.

Сказал несколько слов.

Энаэр резко возразила.

Нэр повторил.

Она стала ещё злее.

Вот.

Старик сорока семи тысяч лет предложил что-то неприятное старожилам.

Через несколько минут Эл объяснил Гану.

Нэр предложил отдать часть собственного участка Тэла под расширение городской сети.

Его дом?

Нет.

Большую прилегающую территорию, которая принадлежала его мастерской и старым проектам.

Ган вспомнил зал непостроенных вещей.

Тысячи моделей.

Некоторые лежали восемь, двенадцать тысяч лет.

Нэр предлагал освободить часть пространства.

Не потому что умирает.

Потому что новый человек иначе не появится.

Вот добровольная функция, которую на Земле часто выполняет смерть.

Старший сам уступает место следующему.

Не исчезая.

Энаэр возражала не из жадности.

Если участок Нэра перестроить, исчезнет историческая среда.

Её нельзя будет восстановить точно?

Технически можно.

Но тогда смысл уступки исчезает.

Нэр показал:

именно.

Некоторые вещи должны действительно перестать быть прежними.

Не временно убраться на склад, чтобы через тысячу лет вернуться.

Иначе места никогда не появится.

Разговор затянулся на часы.

Ган устал.

Сайа устала.

Даже бессмертные устали.

Решения не приняли.

И это тоже было важно.

Нет красивого момента, где смертный объяснил бессмертным их ошибку, и все хлопнули себя по лбу.

Они знали проблему.

Жили внутри неё тысячелетиями.

Просто знание не делает выбор лёгким.

На выходе Сайа догнала Гана.

Без Илэра.

Показала:

идём.

Её дом находился далеко от центра.

Не огромный.

Три уровня.

Много растений.

Стены частично отключены от идеальной Тэла — оставались тонкие следы рук, несколько царапин.

Ган сразу подумал о Нэре.

Сайа заметила.

Кивнула.

Он повлиял.

Не все жители Андры любили безупречные поверхности.

Она повела на верхний этаж.

Открыла комнату.
Пустую.
Почти.
Низкая мебель.
Светлая ткань.
Маленькая чаша.
Несколько игрушек?
Ган замер.
Комната ребёнка.
Которого нет.

Сколько она такая?
Сайа показала число.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.